ЭДИТ ПАТТУ
ВОСТОК
Чтобы ни случилось — верь своему сердцу!
АЗБУКА-КЛАССИКА

Эдит Патту
Восток

Scan Маша, Spelcheck Dara
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158953
Азбука-классика; 2006
ISBN 5–352–01788–5
Оригинал: EdithPattou, “East”
Перевод:
Анна Погодина

Аннотация

Таинственный рассказ о девочке Роуз и Белом Медведе завораживает и увлекает филигранным сюжетом, отточенным стилем, великолепными аллегориями, напряженным действием, которое не отпускает от первой до последней страницы.

Чтобы уберечь дочь от скитаний и бед, родители Роуз скрывают тайну ее рождения. Но пришел день и ради спасения семьи Роуз все-таки уходит и снежную пустыню. Так началась прекрасная история о верности, любви и дружбе.

Содержание

Пролог 5
Книга первая. 8
Отец 8
Недди 11
Роуз 13
Недди 15
Отец 17
Недди 23
Отец 25
Роуз 26
Отец 29
Королева троллей 37
Белый медведь 39
Недди 40
Белый медведь 44
Роуз 45
Белый медведь 47
Недди 48
Роуз 52
Белый медведь 55
Недди 56
Отец 60
Недди 64

Роуз 70
Недди 75
Отец 81
Недди 84
Книга вторая 86
Королева троллей 86
Роуз 91
Королева троллей 98
Белый медведь 99
Роуз 100
Королева троллей 108
Недди 109
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Эдит Патту
Восток

Посвящается моему отцу, который так любил сказки, и моей матери за любовь и поддержку

Пролог

Я нашла этот ящик на чердаке одной старой фермы в Норвегии. Он был большой – размером с сундук для обуви, и на нем были какие-то надписи. Как я узнала потом, руны.

Когда я открыла крышку, мне сперва показалось, что там одни бумаги – куча листов, исписанных разными почерками на нескольких языках. Там были карты, дневники и даже судовые журналы.

Я стала разбирать бумаги и нашла под ними клубки шерстяных ниток, крохотные сапожки из мягкой кожи, стопки нот, перевязанные выцветшей лентой, длинные тонкие деревянные дощечки с пометками, похожими на географические карты, сушеные грибы, тканые ремни и даже бледно-желтое платье.

Потом мне попалось нечто напоминающее мундштук очень старого музыкального инструмента. Я поднесла его к свету, льющемуся сквозь маленькое чердачное оконце. Как

только на него упал луч вечернего солнца, случилось нечто необычное: я ясно услышала высокий голос флейты.

Звук доносился из сундука.

Потом послышались другие звуки: тихим роем они закружились у меня в голове. Колокольчики на санях, собачий лай, треск льда. И голоса. *Я слышу голоса – это странно,* подумалось мне.

Не выпуская из руки старинный мундштук, я достала из сундука лежавшую сверху страничку, исписанную неровным почерком.

Они хотят, чтобы я все это записала – не знаю зачем.

Казалось бы, хватит и того, что отец и Недди записали свои истории. Особенно Недди – ведь он всегда был главным рассказчиком в семье. У меня никогда не вышло бы так складно. На это требуется больше терпения, чем у меня есть, точнее, чем у меня было. Да, в этом путешествии я узнала, что значит терпение. Хотя, конечно, мне лучше было бы все записать. Что я, собственно говоря, и делаю.

Мне нелегко сейчас возвращаться к началу этой истории и даже думать о том времени, когда она началась на самом деле. Рассказывать – это как сматывать в клубок крученые нитки – так просто запутаться.

Я отправлялась в путь, желая лишь все исправить. Говорят, что потерять любимого человека так же больно, как потерять часть собственного тела. На самом деле, намного больнее, особенно когда ты сама во всем виновата.

Но я уже забегаю вперед. Все началось с пары крохотных мягких сапожек.

Книга первая.
ВОСТОК

Жил-был бедный крестьянин, у которого было много детей.

Отец

Нашего последнего ребенка звали Ориана Роуз. Хотя это и не правильно. Ее должны были звать Ниам Роуз. Но все звали ее Роуз, а не Ориана, так что уж ладно. По крайней мере, именно это я говорю себе.

Часть ее имени – Роуз – напоминала о символе розы ветров, что очень подходило, ведь она жила в самой середине моего сердца.

Я любил всех ее семерых братьев и сестер, но признаю, что в Роуз всегда было что-то особенное. И вовсе не внешность.

Роуз было очень сложно понять. Из-за того, что она никогда не сидела спокойно. Когда она была еще совсем крошкой и я брал ее на руки, она несколько секунд пристально смотрела на меня улыбающимися яркими глазками. Но каждый раз тут же переводила взгляд за окно: интересно, что

там творится?

Первым подарком для Роуз стали мягкие сапожки, сделанные из шкуры северного оленя. Их принес Торск, наш сосед. Пока он натягивал подарок на крошечные ножки Роуз своими мозолистыми ручищами, я посмотрел на Ольду, мою жену. Она нахмурилась и, чтобы скрыть это, отвернулась.

Торск ничего не заметил. Он был вдовцом и великолепным сапожником. Сыновья его уже выросли. Он очень хотел показать свою работу и не догадывался о сложных обстоятельствах недавних родов Ольды, поэтому и появился первым на нашем пороге.

Почти все наши соседи знали, насколько суеверна Ольда. Еще они знали, что первый подарок для ребенка наделен особым смыслом. Но радостный Торск не сильно об этом задумывался. Он просто смотрел на маленькие сапожки на ножках девочки, и его распирало от гордости.

– Как хорошо подошли, – заметил он с широкой улыбкой.

Я кивнул и счел нужным предупредить его:

– Ведь это первый подарок для Роуз.

Его улыбка стала еще шире.

– Ах как здорово!

Вдруг его озарила мысль.

– Она будет путешественницей! – сказал он с воодушевлением.

Значит, Торск знал про примету, связанную с первым подарком.

Теперь Ольда не пыталась скрыть хмурого взгляда, и я испугался, что она скажет что-нибудь резкое. Но вместо этого она наклонилась и завязала потуже шнурок на одном сапожке.

– Спасибо, сосед Торск, – проговорила она сквозь зубы. В ее голосе слышалась неприязнь, что сильно удивило гостя.

Увлекая Торска к двери, я пробормотал что-то по поводу здоровья своей жены.

– Может, сапожки не понравились? – спросил он смущенно.

– Ну что ты! – уверил я его. – Они просто чудо. А Ольда очень устала, вот и все. Ты ведь знаешь матерей – они всегда хотят, чтобы дети были рядом. Она еще не готова к тому, что малышка Роуз будет бродить где-то по свету.

И никогда не будет готова. Хотя этого я не сказал Торску.

В тот вечер, как только нам удалось оттащить Недди от колыбельки Роуз и уложить всех детей спать, Ольда спросила:

– А не приносила ли вдова Озиг горшочек масла для малышки?

– Она только вернула тот, что ты ей давала.

– Нет, это было для Орианы Роуз. Это ее подарок первый. Я уверена, – решительно сказала Ольда.

Она на самом деле хотела, чтобы дети всегда были рядом. Особенно Роуз. А все из-за обстоятельств, при которых девочка появилась на свет.

Недди

Наша семья не всегда жила бедно. Мой дед, Осбьёрн Лавранс, весьма успешно занимался изданием географических карт. Отец происходил из семьи зажиточных фермеров. Он поссорился с ними, когда отправился в Берген, чтобы стать учеником картографа Осбьёрна. Мама моя, Ольда, была дочерью Осбьёрна. Вот так они и встретились.

У мамы с папой было восемь детей. Роуз родилась последней, а я предпоследним. Когда Роуз принесли домой из Эской Фореста, мне исполнилось четыре года. Кто-то скажет, что четырехлетние дети мало что запоминают, но кое-что я точно помню. Даже многое. Я помню, как Роуз пахла – теплым молоком и мягким зеленым мхом. Помню, что ее лепет напоминал журчание ручейка – мы даже прозвали ее Рози Ручеек. Еще она щелкала языком, словно королек, и обиженно ревела, когда пыталась ходить и падала. Ходить она научилась необычайно рано. Чуть ли не с пеленок она уже вовсю бегала на своих коротких ножках.

Я отчетливо помню тот вечер, когда мама и папа вернулись домой после сбора трав, но вместо травы они принесли сверток, из которого доносились странные звуки.

Мои старшие братья и сестры беспокоились о маме с папой, потому что на улице бушевала непогода, а родители сильно задерживались. Я сказал, что они так долго не воз-

вращаются, потому что ушли за ребенком.

Сестра Зёльда рассмеялась.

– Маме еще больше месяца до родов, – сказала она. – Кроме того, все знают, что нельзя так просто пойти и найти ребенка в Эской Форесте, – добавила она высокомерно.

Но в итоге оказалось, что прав я.

Когда они наконец пришли домой, мама была очень бледна. Она сразу же села и положила сопящий сверток себе на колени. Все столпились вокруг, а я стоял в сторонке и ждал. Потом отец подвел меня к маме. Я взглянул на маленькую попискивающую девочку и ощутил необычайный прилив гордости. Как будто я сделал что-то очень хорошее. Конечно, это мама родила малышку (от этого она была совсем измотана), но с того мгновения я почувствовал, что эта темноволосая кроха – мой собственный подарок и именно мне нужно будет за ней присматривать. Если бы я знал тогда, какой своенравной она станет, я бы еще подумал, прежде чем брать на себя такую ответственность. Забавно. Думаю, что нам с мамой было труднее всего, пока Роуз металась в поисках своего пути. Но мы переживали невзгоды по-разному. Мама все время пыталась притянуть дочку к себе и удержать. Но я-то знал, что это невозможно, и просто мучился и тосковал, когда она исчезала. Вот так и любишь дикарку: постоянно сидишь у двери и ждешь.

К такому со временем вроде даже привыкаешь.

Роуз

Я могла бы сказать, будто в детстве чувствовала себя виноватой из-за того, что вечно попадала в неприятности и доводила маму до отчаяния чуть ли не каждый день. Но на самом деле ничего подобного я не чувствовала.

Не думаю, что из-за эгоизма или бессердечия. Я просто не могла понять, почему все так беспокоятся. Подумаешь, несколько капель крови или сломанная рука!

Я не была непослушной. Просто мне не удавалось удержать мысли, вслед за которыми бежали и мои ноги. Увижу что-нибудь – лазурный блеск крылышек бабочки или облака, похожие на корабль с мачтой и парусами, или спелое желтое яблоко высоко на дереве – и помчалась, не задумываясь.

Дух странствий жил в моей крови. Дед Осбьёрн был картографом и исследователем. А прапрапрадед был одним из первых норвежцев, совершивших путешествие в Константинополь.

Я расстраивалась только из-за Недди, который находил меня и окидывал сердитым и огорченным взглядом, после того как я в очередной раз исчезала из дому, никому не сказав ни слова.

– Но я увидела кролика с таким сияющим беленьким хвостиком, – пыталась я объяснить, когда достаточно подросла для того, чтобы придавать мыслям и чувствам словесную

форму.

Недди только вздыхал и говорил, что мама ждет меня на кухне.

– Прости, Недди, – говорила я и обхватывала его обеими руками.

Мне всегда удавалось заставить брата улыбнуться, и тогда я шла на кухню, где меня еще раз ругала мама.

Недди

Сказать, что мама была просто суеверна, – это все равно что назвать великий буран 1539 года легким снегопадом.

Любое действие, совершаемое в нашем доме, наделялось особым смыслом. Подмести мусор с парадного крыльца означало выгнать из дома удачу. Пение во время приготовления хлеба навлекало на дом неприятности, а если у вас чесалась левая сторона тела, то это точно предвещало беду. Если вы чихали в среду, то наверняка должны были получить письмо – с хорошими вестями, если вы смотрели на восток, и с плохими, если на север.

Отец любил рассказывать, как он впервые узнал о «родовом направлении».

Когда они объявили о своей помолвке маминой семье, первое, что сказала будущая теща, было:

– Но, Арни, мы даже не знаем, в каком направлении ты родился!

Смущенный отец оторопело посмотрел на нее.

– Да, Арни, мы должны знать это наверняка, прежде чем вы с Ольдой будете строить дальнейшие планы.

– Я уверена, что на юг или на юго-восток! – убежденно воскликнула мама.

– Нужно знать точно, – настаивала будущая теща.

Тут отец рассмеялся, подумав, что его разыгрывают.

Но женщины были серьезны.

Когда пана переходил к той части воспоминаний, где они все вместе отправились на ферму к моим бабушке с дедушкой, чтобы узнать, куда смотрела бабушка во время родов, мы корчились от смеха. Оказалось, она действительно смотрела на юго-восток, что, по маминым словам, было очень хорошо.

Плохо было то, что эта встреча отца со своей семьей стала последней. Он надеялся исправить положение. Но, видимо, странные вопросы «городских», с семьей которых породнился отец, только ухудшили дело, и расстались они как чужие.

Отец

Страстная вера Ольды в направление родов была для меня весьма необычна. Я в жизни не встречал ничего подобного, а у них в роду это суеверие передавалось из поколения в поколение.

Они верили в то, что именно направление родов имело чрезвычайную важность. А не расположение звезд, или лунная фаза, или приливы и отливы, или даже черты, передаваемые родителями детям.

Я думаю, это странное поверье было навеяно составлением карт.

– Каждый ребенок в нашей семье, – объяснила мне Ольда, – получает имя, которое начинается с первой буквы направления родов. Мальчика, родившегося на север – норд, назвали бы Натаниелем, а девочку, родившуюся на юго-запад – зюйд-вест – Зара Вильгельмина и так далее. Я родилась на восток – ост.

– И какие отличительные черты у ребенка, рожденного на восток? – спросил я.

– Ну, кроме всего прочего, я аккуратна, крепко сплю и немного суеверна.

– Немного?! – усмехнулся я.

Так получилось, что Ольда пошла дальше своих предков. В нашу первую брачную ночь она объявила мне, что ей хо-

чется иметь семерых детей.

– Семь – хорошее число, – ответил я, – но почему именно семерых? Это особенно счастливое число?

– Нет, просто я хочу, чтобы у меня были дети, рожденные во всех направлениях компаса.

– Но тогда их должно быть четверо или восемь… – недоумевал я.

– Я, конечно же, не считаю север.

– Почему?

– Ты что, не знаешь о детях, рожденных в северном направлении? – в свою очередь удивилась Ольда.

– Нет. – Я не стал напоминать ей, что за пределами ее семьи такой разговор вообще был бы невозможен.

– Они ужасны! Все время где-то шатаются и очень плохо себя ведут. Северные люди все такие. Моя собственная сестра – неужели я тебе не говорила? – вышла замуж за северного мужчину (вопреки маминому совету, понятное дело). Когда она вынашивала третьего ребенка, он сел на корабль, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. Мне не нужен ребенок, за которым я не смогу наблюдать.

Услышав такое, я немного забеспокоился.

– Надеюсь, ты не собираешься держать их около себя всю жизнь?

– Нет, Арни, – уверила меня Ольда. – Я просто имею в виду, что северные слишком дикие. Вечно попадают в неприятности. Но это не единственная причина, почему у меня не

будет северного ребенка. Есть кое-что поважнее.

– И что же?

– Несколько лет назад мы с сестрой ходили к гадалке.

Хотя в наших краях гадалки были большой редкостью, я не удивился, что моей суеверной Ольде удалось найти одну из них.

– Эта вещунья наделена огромной силой. Она предсказала день, когда Карий Тессел произведет на свет своего первенца! Еще она рассказала моей сестре, что море отберет у нее мужа… – Ольда замолчала.

Я посмотрел на нее.

– Гадалка что-то рассказала про твоего северного ребенка?

Она кивнула и тихо произнесла:

– Она сказала, что если у меня родится северный ребенок, то он умрет ужасной смертью – замерзнет подо льдом и снегом.

Ольда содрогнулась, а я безотчетно притянул ее поближе к себе. В нашей стране зимой частенько случались обвалы в горах, которые окружали Берген, и я видел, что Ольда восприняла это зловещее предсказание очень серьезно.

Мне такие пророчества казались ерундой. Возможно, если бы я с самого начала попытался поговорить с Ольдой о бессмысленности многих ее суеверий, то предотвратил бы немало несчастий, позже обрушившихся на наши головы. Но я не попытался. Тогда я считал все ее идеи просто безобид-

ными чудачествами, иногда даже очаровательными, и потакал ей. Мне тоже хотелось большую семью, а семь казалось таким же хорошим числом, как любое другое…

Но даже собственная мать Ольды думала, что настолько методичное планирование направления рождения каждого ребенка не к добру.

– Ты вмешиваешься в дела Бога и Судьбы, ни к чему хорошему это не приведет, – сказала она.

Сама Ольда родилась точно на восток. Роды у ее матери начались неожиданно, когда она плыла на лодке по Раума-Ривер, которая, как всем известно, очень извилиста. К счастью, у матери Ольды оказались с собой осколок магнитного железняка и иголка, которые она носила с собой на протяжении всей беременности. Хозяин судна принес ведро воды. Во время родов дед Осбьёрн намагнитил иглу и опустил ее в ведро с водой.

Так они без особых трудностей смогли вычислить направление родов.

– Подумать только, ведь поверни внезапно лодка, я могла бы родиться на север! – ужасалась Ольда.

В нашей семье первенец появился на северо-восток – норд-ост – Нильс Отто. Ольда объясняла это тем, что лучше начать с самого сложного направления, пока она еще молода и полна сил. А еще одно сложное направление – северо-запад – оставить напоследок, когда она станет мудрым и опытным родителем.

Все шло строго по плану от северо-востока до северо-запада.

Нильс Отто любил погулять, но всегда знал меру и соблюдал порядок.

Оливи – идеальный восточный ребенок, тихая, деловитая и послушная.

Зёльда Орри – добрая приятная девочка.

Зара – волевая и страстная.

Зорда Венда дружила с животными и была достаточно проницательной.

Виллем, способный и решительный, легко управлялся со скотиной на ферме.

Недди Вилфрид – единственный ребенок с темными волосами, хотя глаза у него были такие же голубые, как у братьев и сестер. Недди родился легче остальных. Он был славным, спокойным малышом и чаще улыбался, чем плакал.

Семеро детей за семь лет. Вздохнув с облегчением, Ольда перестала ходить за травой, которая облегчала утреннюю тошноту и муки родов. Она убрала в шкаф широкое платье, в котором проходила все семь беременностей.

И вдруг Оливи, которой исполнилось уже восемь лет, умерла. Она никогда не была очень крепкой и здоровой, а Ольда испытывала к ней особую привязанность и нежность, отчасти из-за того, что они обе родились на восток.

Что может быть страшнее для родителя, чем потеря ребенка?! Конечно, у нас было еще шестеро детей, которые

нуждались в нашей заботе, и постепенно время сгладило боль утраты. И тут свободное место в восточном направлении компаса начало терзать Ольду.

Недди

Отец рассказывал мне, что впервые стал делать эскизы розы ветров, когда они с мамой были помолвлены. Для обучения дедушка давал ему кипы карт, почти на всех стоял этот значок – как правило, в нижнем левом углу.

Отец сказал, что свое название значок получил из-за того, что похож на цветок с тридцатью двумя лепестками, и картографы испокон веков использовали его для обозначения направления ветров. Некоторые из них были простые, некоторые нет, но северное направление у всех указывал заостренный лепесток. Еще отец рассказал, что все картографы раскрашивали розы ветров яркими красками, и не потому, что так красивее, а для того, чтобы их было легче разглядеть в тусклом свете корабельных светильников на палубе.

Мне нравилось слушать про составление карт. Я мечтал, что, когда вырасту, поеду в один из больших городов и вместе с великими учеными займусь изучением этой темы. Или стану поэтом.

Одно из первых своих стихотворений я написал про розу ветров:

Север, восток, запад и юг пронзит стрела,
Ветер-бродяга треплет волну, сводит с ума,
Пашню морей вздыбит – к звезде вскинет буйки.

В дальних морях этой звезды ждут моряки.
[1]

Самое хорошее в этом стихотворении то, что оно короткое.

[1] Здесь и далее перевод стихов А. Ефремова

Отец

Нелюбовь к путешествиям – единственное, что мешало моей профессии. («Ты же родился на юго-восток», – говорила Ольда.) И когда наше дело развалилось, я счел виноватым себя. По правде говоря, дела давно уже шли не очень. Осбьёрн и его жена умерли от инфлюэнцы, и управление производством перешло ко мне. Скоро стало ясно, что я не смогу добиться успеха. К тому же число заказчиков после инфлюэнцы уменьшилось.

Ольда к тому времени добралась уже до середины компаса. Дома ждали четверо детей, которых нечем было кормить. И когда дальний родственник Ольды предложил нам маленький участок земли для обработки, мы не упустили возможности и перебрались всей семьей в отдаленный район Северной Норвегии.

Родственник был добр к нам и брал небольшую плату за жилье, поэтому некоторое время все шло хорошо.

Пока не умерла Оливи.

Роуз

Не помню, когда я узнала, что родилась на смену умершей сестре. Я просто всегда знала это, как разные другие вещи, например историю про необычные обстоятельства моего рождения или то, что отец умеет рисовать розы ветров.

Мама всегда рассказывала мне про Оливи – какой она была хорошей, послушной, как помогала маме на кухне. У меня никогда не получалось поступать так же. Отчасти из-за любопытства и страсти к исследованиям, жившим у меня внутри: мне необходимо было рассмотреть, потрогать или даже понюхать то, что оказывалось в поле зрения. К тому же я просто не могла усидеть на месте, за исключением тех случаев, когда рядом был Недди.

Именно в один из таких редких моментов я увидела, как шьют.

Мне тогда было, может, годика четыре. Я сидела у Недди на коленях, и он рассказывал мне про Бифрост – мост из радуги. В древних сказаниях Бифрост связывал наш мир с Асгардом, миром богов.[2]

Мама сидела напротив нас около очага. Она штопала. Я

---

[2] В скандинавской мифологии Мидгард – мир, созданный богами для людей. Он окружен миром чудищ и великанов – Утгардом. В центре Мидгарда высится Асгард – мир богов. Боги построили мост от земли до неба (из Мидгарда в Асгард) и назвали его Бифрост или Биврёст, который представлял собой трехцветную радугу.

слыхала слово «штопать» и раньше, но не знала, что оно значит на самом деле. Говорили, что так делают, чтобы одежда служила дольше, и что мне тоже придется этим заниматься, когда я подрасту. Оливи даже в восемь лет умело справлялась со штопкой и всегда спокойно сидела за этим занятием. Поэтому штопка заранее пугала меня и обещала стать еще одним поводом для маминого недовольства.

И вдруг я наткнулась взглядом на собственные штаны, за которые мама только что взялась. Сзади на них была огромная дыра, появившаяся днем, когда я спускалась по небольшому водопаду. Недди рассказывал, как Тор размахивал волшебным молотом[3], переходя по мосту из радуги, и я задремала. Когда я открыла глаза, дыра на штанах исчезла.

Окончательно проснувшись, я села. Чудо.

Могло бы показаться странным, что я никогда раньше не видела, как мама зашивает дырки. Дело в том, что штопку она всегда оставляла на поздний вечер, когда я спала и в доме было спокойно.

Я подбежала к ней. От сонливости и следа не осталось, и мост Бифрост тут же был позабыт.

– Сделай еще так, – попросила я.

– Что сделать? – растерялась мама.

---

[3] *Тор* – бог грома, высокий и сильный. Он борется с главными врагами богов – великанами и помогает людям. У Тора есть волшебный пояс, который делает его сильнее, на руках у Тора железные рукавицы, а вместо копья или меча он носит с собой тяжелый железный молот Мьёлльнир, разбивающий вдребезги самые крепкие скалы.

– Прогони дырку.

Она улыбнулась и взяла следующую одежку. Показала мне, как продеть нитку в иголку, и аккуратно зашила маленькую дырочку в рубашке Зорды.

Я смотрела, не отрывая глаз, а потом твердо сказала:

– Я тоже так хочу.

Мама немного поколебалась, взвешивая естественное беспокойство о маленьких пальчиках и острых предметах с желанием поощрить мой неожиданный интерес. Подумав о том, что это хорошее средство утихомирить меня, она согласилась. Конечно, несколько капель крови пролилось, но я упрямо держала иглу, решив во что бы то ни стало добиться успеха в этом волшебном ремесле. Я засыпала маму вопросами про иголки, булавки, откуда берутся нитки. Оказалось, что нитки дает моя любимая овечка Бесси (вот это да!) и все ее друзья и родственники.

С того вечера меня как будто привязали. Я точно знаю, что и мама и Недди были довольны. Штопка оказалась одним из немногих занятий, которые могли удержать меня дома под присмотром.

Отец

– Расскажи мне про Оливи, – попросила как-то Роуз.

Тогда я сильно тревожился из-за того, что Ольда говорила об Оливи слишком много, превращая ее в идеал, тягаться с которым маленькой Роуз было не под силу. Но не стоило беспокоиться. Рози с самого начала была себе на уме. Она никогда не меняла своего поведения даже ради мамы, а уж тем более ради кого-то другого.

Однажды она попросила меня нарисовать Оливи. Просьба была неожиданная, но чем больше я об этом думал, тем понятнее становилось ее любопытство. Признаюсь, я провел немало времени над маленьким рисунком, но работа принесла мне облегчение, да и Ольде тоже. Рисунок вызвал приятные воспоминания.

Когда я показал его Роуз, она долго и внимательно его изучала. У меня было немного цветных красок, и я раскрасил портрет. Роуз спросила только про волосы:

– Они были точно такого цвета, папа?

Я кивнул, цвет очень походил на настоящий. Роуз наклонилась и положила прядь собственных каштановых волос на рисунок.

– Только у нас с Недди волосы темные, – сказала она.

– У вашего дедушки по маминой линии были такие же. От него вы унаследовали этот цвет.

– Тот дедушка, который плавал на кораблях?

– Да.

Она улыбнулась. Потом попросила посмотреть розу ветров, ту, которую я нарисовал специально для нее. Когда у нас родился первенец – Нильс Отто – я нарисовал для него розу. Хоть я и не верил в важность направления рождения, сознаюсь, пользовался некоторыми идеями для создания рисунка. В розе Нильса Отто, кроме прочего, была парящая белая крачка (хорошо известная в наших северных краях птица), книга и перо для записи счетов.

Я стал рисовать розы ветров для каждого нашего новорожденного. Роуз особенно нравилось разглядывать свой рисунок, водить пальчиком по линиям. Я всегда с тревогой следил за ней, боялся, что ее маленькие зоркие глазки могут разглядеть подвох. Мне-то он прямо бросался в глаза и, казалось, портил всю красоту самой лучшей из всех моих роз.

Несколько раз поздно ночью, когда дети спали и не могли нас услышать, я делился своими опасениями с Ольдой.

– Может, лучше, чтобы Роуз узнала правду о своем рождении? Она еще маленькая, ей было бы… – я запнулся, – не так больно узнать обо всем сейчас.

– Не понимаю, о чем ты, Арни.

Она действительно не понимала.

Ольда уже не помнила правды. Она вычеркнула из памяти все. Я удивляюсь, как она вообще сумела сохранить здравомыслие. На самом деле, невозмутимая уверенность, с какой

она говорила, что Роуз родилась на восток, заставляла меня сомневаться в собственном здравомыслии. Может, вообще ничего этого не происходило? Да нет, все случилось именно так.

За месяц до срока родов мы с Ольдой пошли в Эской Форест за травами. Мы старались ходить туда вместе хотя бы раз в две недели: эта привычка появилась у нас, когда мы перебрались жить на ферму. Там мы могли провести наедине пару спокойных часов, не нарушаемых детскими криками, слезами и вопросами. Пока дети были маленькие, жена нашего соседа Торска соглашалась приглядеть за ними в наше отсутствие, а потом мы оставляли Нильса Отто и Зёльду Орри за старших.

Беременность Ольды протекала спокойно, только ребенок в животе вел себя очень активно. Ольда говорила, что малыш решил исследовать каждый миллиметр ее лона. Однажды утром после особенно беспокойной ночи я сказал в шутку:

– Этот малыш сначала потянется за картой, а потом уж за молоком матери.

И тут же пожалел о своих словах, потому что жена нахмурилась.

– Восточные дети не любители путешествий.

Я вздрогнул от дурного предчувствия. Ольда была уверена, что для рождения этого ребенка возможно только восточное направление. Казалось, она испытывает судьбу.

И вот мы отправились собирать травы. День был пасмурный. Ольда принялась искать лопухи. Ей попались буйные заросли, и она наклонилась, чтобы сорвать листья, но вдруг слегка пошатнулась.

– Ух!

– Опять ребенок толкается? – спросил я.

– Он как будто пытается вырваться, – пожаловалась она, медленно выпрямляясь. – Ей бы надо еще потерпеть. Недельки четыре хотя бы.

Вдалеке загрохотало. Я взглянул на небо.

– Нам лучше вернуться домой. С севера ползут такие черные тучи!

Ольда кивнула и направилась к своей корзине. Но на полпути остановилась и обхватила живот руками. Ее протяжный стон заглушил грохотание небес. Ольда опустилась на землю с искаженным от боли лицом.

Я подскочил к ней и, пытаясь сохранять спокойствие в голосе, сказал:

– Боль утихнет, и мы сразу же пойдем домой.

Жена покачала головой.

– Нет, – с трудом прошептала она. – Ребенок идет. Быстро.

– Но я…

– Ты примешь его, Арни.

Я помогал ей и раньше, поэтому не боялся. Но вот-вот должна была разразиться буря, и это меня сильно беспокоило. Устраивая Ольду поудобнее на земле, я шептал молитву.

Схватки становились все сильнее, лес эхом отзывался на стоны Ольды.

Вдруг она в панике стала оглядываться.

– Солнце, где солнце? – Ее бормотание переросло в продолжительный стон.

До меня дошло, что Ольда беспокоится о направлении родов, но, когда я осознал, что смотрю на маленькую пяточку, все вылетело из головы.

Ребенок шел неправильно. Глухая паника охватила меня. Я закрыл глаза и стал думать. Что делали повивальные бабки, если ребенок выходил ножками? Я положил руку на живот Ольды и сосредоточил все мысли на еще не родившемся ребенке.

– Повернись, малыш, – прошептал я, изо всех сил желая, чтобы ребенок услышал.

Но ничего не изменилось.

– Ольда, – сказал я жене на ухо. – Нужно сходить за помощью.

– Нет, – выкрикнула она. – Слишком поздно!

Она не отрывала взгляда от темного неба, видневшегося сквозь кроны деревьев, – искала солнце.

– Где же оно?.. Какое направление, Арни?

Мне было непонятно, как в минуту величайшей опасности для собственной жизни и жизни ребенка она могла думать только о своих проклятых суевериях. Потом я подумал, что, возможно, она не осознавала до конца всей серьезности

положения.

– Я не могу сделать это самостоятельно. Нам нужна…

– Солнце… – снова проговорила Ольда.

Вдруг под моей рукой что-то вздулось и задвигалось.

Ольда вскрикнула и приподнялась. Крупные капли дождя упали ей на лицо.

А я в изумлении смотрел на головку моего ребенка. Ему удалось повернуться самостоятельно! Это было просто чудо!

Что происходило потом, стерлось из моей памяти.

– Тужься! – кричал я Ольде.

И вот у меня в руках очутилась вопящая кроха. Она была вся сморщенная, красная и темноволосая. Девочка. Дождь умыл крошечное личико. Ольда протянула к нам руки, и я передал ей ребенка. Она стала целовать закрытые глазки и ручки.

В это время сквозь листву пробился луч света, и Ольда глянула вверх. Ее влажное раскрасневшееся лицо побелело, улыбка исчезла. Я поднял глаза, чтобы посмотреть, что там такое, и неожиданно увидел радугу и бледное солнце. Легкий дождь все еще шел. Было очень красиво. «Хороший знак», – подумал я.

– Север, – выдохнула Ольда с недоверием. Тогда я понял. И чуть не рассмеялся вслух от облегчения.

– Она северная, да? Ну, наверное, так было предопределено…

– Нет! – закричала на меня Ольда. – Она *не* северная! Она

не будет северным ребенком!

– Ольда, успокойся. Нет ничего плохого в том, что ребенок родился на север. Кроме того, это всего лишь предрассудок.

– Она – Ориана.

Я удивленно посмотрел на нее:

– Хорошее имя – Ориана. Значит, ты решила больше не называть детей по направлению?

– Я смотрела на восток, когда роды начались.

Я мысленно вернулся назад. Небо было темное, сказать наверняка, куда смотрела Ольда, было затруднительно.

– Она родилась на восток, поэтому ее зовут Ориана! – вызывающе сказала Ольда.

Я нехотя кивнул, хотя и почувствовал, как внутри шевельнулась тревога.

– Я не позволю ей умереть, – прошептала она.

Умереть? Потом я вспомнил предсказание гадалки.

Умрет подо льдом и снегом.

–Арни, ты никогда никому не расскажешь, ни одной живой душе…

– Расскажу – что?

– Что она родилась не на восток. Она восточный ребенок! – Ее взор пылал, а лицо было бледное и мокрое.

Я положил руку на спутанные волосы Ольды.

– Тебе нужно время, чтобы все обдумать.

– Нет, – твердо ответила она, глядя мне прямо в глаза. –

Это Ориана Роуз, потому что круг компаса завершен и это мой последний ребенок. Пообещай мне, Арни. Ты никогда не скажешь ни одной живой душе.

Поколебавшись, я поклялся, потому что не мог вынести несчастного выражения этих глаз.

Она улыбнулась и снова склонилась к ребенку, бормоча слова любви. Потом я взял малышку, чтобы Ольда могла отдохнуть немного перед дорогой домой. Я легонько провел пальцами по кончикам взъерошенных каштановых волос дочери. Посмотрел на ее сморщенное личико, и вдруг мне на ум пришли слова из давно забытого стихотворения: «Ниам, рожденная под радугой». Может, это было стихотворение Недди? Как бы то ни было, с того мгновения, хотя и не нарушая соглашения с Ольдой, в душе я называл свою дочку Ниам.

Когда я записывал в семейной книге рождений моего восьмого ребенка, я написал: Ориана Роуз. А когда рисовал розу ветров, которая была у каждого из детей, то сделал ее самой сложной. Она могла бы быть и самой красивой, если бы не таила в себе ложь. Пока я ее рисовал, со мной происходило что-то непонятное, потому что рисунок выдавал правду помимо моей воли. Но разглядеть эту правду мог только тот, кто хотел ее увидеть.

Это была моя тайна, которая раскрылась лишь в ту ужасную ночь, когда белый медведь подошел к нашей двери.

Королева троллей

Все началось, когда я впервые отправилась в Зеленые Земли.

Тогда он был совсем мальчиком. Играл с другими детьми. Они кидали красный мяч. Смеялись. Потом ушли, а он нежданно-негаданно один вернулся за мячиком. Я могла бы наколдовать такого (с помощью моих способностей), но даже не подумала об этом.

Должно быть, у него зрение лучше, чем у остальных мягкокожих, – он заметил меня. А может, это случилось из-за того, что я сама хотела, чтобы он меня увидел.

Он подбежал ко мне. Такое странное лицо, белозубая улыбка, яркие зелено-голубые глаза. Протянул мяч и сказал:

– Хочешь поиграть?

Вот тогда-то оно и появилось – странное, захватывающее дух чувство. Желание.

Поэтому я забрала его. Не в тот день, потом.

Ярости моего отца не было предела. Он сказал, что я нарушила все наши законы. Самые древние и обязательные из законов.

Я пыталась объяснить ему, почему так получилось. Никто из людей не узнал, что я забрала его. Я проделала это очень умно, изобретательно. Но разгневанный отец наложил заклятие. Строгое. И с условиями.

Я ненавидела его, но изменить ничего не могла. Тогда отец мой был могущественнее меня. Ничего переделать было нельзя. Даже и сейчас нельзя.

Заклятие послужило наказанием за нарушение старинных законов, но отец не лишил меня возможности получить то, чего я желала. Однажды условия будут выполнены, и мягкокожий мальчик станет моим. Навсегда.

Белый медведь

Бросаю красный-красный мяч.
Голос, похожий на шорох гравия.
Потерялся.
Тогда…
Огромное жирное тело.
Четыре ноги, а не две. Широкая неслышная поступь.
Запахи, от которых никуда не деться.
Постоянный голод.
И жара. Испепеляющая жара.
Должен идти, все время идти.
Найти холодные земли.
Снег и лед, белый, бесконечный.
Один.
Красный мячик. Потерялся.
Потерялся.

Недди

Роуз была особенной.

Не голубоглазая, как все мы, а с поразительно карими глазами и блестящими каштановыми волосами. У остальных членов нашей семьи, кроме меня, волосы были светлые. Мы росли длинноногие и высокие, все, кроме Роуз. Однако, несмотря на короткие ножки, ей удавалось бегать быстрее нас.

Отличалась она не только внешне. Она была более шумная, более независимая.

«Наша маленькая Роуз всегда знает, чего хочет», – любил повторять отец. Он говорил, что она напоминает ему маминого прапрадедушку, путешественника. Но мама возражала, что Роуз такая, только пока маленькая, а когда подрастет, обретет свою истинную натуру восточного ребенка. В подтверждение своих слов она всегда указывала на то, что Роуз любила шить и ткать. «Это увлечения восточного ребенка, если я хоть что-то в этом понимаю, – твердо говорила мама. – Она успокоится. Вот увидите».

Я не был в этом так уверен.

Как легко потерять то, что ты больше всего любишь, я впервые узнал из-за Роуз и ее коротких быстрых ножек. Второе стихотворение я написал про то, как потерял Роуз. Оно вышло не очень складное, во многом навеянное легендар-

ным плачем Фрейи по потерянному Оду[4]. Основное ударение я сделал на словах «жестокие воды». Роуз тогда было два года, а мне всего лишь шесть.

Мама готовила, а мы слонялись вокруг фермы. Роуз еще спала – или по крайней мере все так думали. Придя проведать дочку, мама обнаружила только пустую кровать. Она обошла весь дом, и, не найдя Роуз, вышла на улицу и принялась ее звать. Скоро мы все включились в поиски.

Мы разошлись в разных направлениях от дома. Я был самый маленький, и меня послали на северо-восток, так как вряд ли Роуз ушла бы туда. Там стояла каменная стена, на которую двухлетний ребенок не смог бы забраться.

Или это мы так думали.

На земле лежал снег, хотя было не так уж холодно. Дойдя до стены, я влез на нее (это было непросто) и уселся сверху, оглядывая окрестности. Родители думали, что именно сюда Роуз пойти не могла, но я хорошо знал свою сестренку: она всегда делала то, чего меньше всего от нее ожидали. За стеной начиналось небольшое поле, плавно переходящее в холм. Сразу за холмом возвышалась большая скала с крутым обрывом в ущелье, на дне которого была вода.

---

[4] Речь идет о стихах из «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона, исландского поэта и историка XIII века. Фрейя – светловолосая и голубоглазая богиня любви, жена Ода, бога солнечного света. У Фрейи есть волшебное соколиное оперение, надев которое она часто летает над облаками, и чудесное золотое ожерелье Брисингамен. Когда она плачет, из ее глаз капают золотые слезы. Когда Од отправился в дальние страны, она оплакивала его слезами «красного золота».

На поле не было никаких следов Роуз и на холме тоже. Мне стало очень тревожно, и я побежал к скале. Забравшись на самый верх, я глянул в ущелье. Внизу, в воде, стоял огромный белый медведь. В зубах он держал Роуз, насквозь промокшую и неподвижную.

Медведь повернул голову и увидел меня. Он начал карабкаться по скале прямо ко мне. От страха я прирос к месту. Теперь я видел, что медведь несет Роуз, схватив зубами за платье, как кошка носит своих котят. Животное остановилось недалеко от меня и бережно положило девочку на землю. Когда медведь поворачивался, я успел заметить выражение его глаз. Никогда не видел я таких глаз ни у одного животного. Они были полны невыразимой грусти.

Я опустился на колени рядом с Роуз. Наклонился к ее груди и стал слушать: она ровно дышала, но была очень бледна и не двигалась. На ее лице и коленках я заметил свежие царапины. Но вскоре Роуз открыла глаза и улыбнулась.

– Недди, – весело проговорила она и обняла меня за шею.

Я поднял ее и отнес домой. Родителям я рассказал, где нашел сестру, но ни слова не сказал про медведя. Сам не знаю почему. Возможно, из-за того, что никто в семье мне не поверил бы, решив, что я все выдумал. Хотя на самом деле причина была другая. Что-то в истории с медведем напугало меня. Нет, не то, что он был огромный и свирепый. Мне не хотелось даже думать что.

Каким-то образом Роуз перелезла через каменную стену,

перешла поле, взобралась сначала на маленький холм, затем на скалу, с которой, поскользнувшись, съехала в ледяную воду. Отец подумал, что Роуз сама выбралась из воды. Но я-то знал, что ее вытащил медведь и что, по всей вероятности, она бы утонула, если бы он не спас ее.

Роуз не помнила о медведе. Я почти уверен, что она и не видела его.

И я никогда никому о нем не рассказывал.

Белый медведь

Теплое место.
Шкура все время чешется.
Нырнуть в холодную воду. Облегчение.
Карие глаза. Дитя.
Вверху на скале.
Улыбается, смотрит вниз без страха.
Я помню.
Давно.
Мяч.
Красный мяч.
Потом пустота.
Потерялся.
Девочка наверху.
Падает.
Карие глаза закрыты. Ее лицо.
Барахтается, тонет.
Поднять ее, вытащить из воды.
Мальчик. Светлоглазый, испуганный.
Тонкие ручки. Поднять ее к нему.
Уносит ее.
Снова один.

Роуз

Отец рассказал мне, что первым подарком на мое рождение стала пара сапожек из мягкой кожи северного оленя. Это был очень подходящий подарок, ведь я любила носить сапожки.

Я донашивала одежду после старших братьев и сестер, но никогда не огорчалась по этому поводу. К тому времени, когда я получала сапоги, подметки на них сменялись не один раз, но я, без сомнений, нахаживала в них намного больше миль, чем все мои братья и сестры, вместе взятые.

Когда мне исполнилось пять или шесть лет, родители уже сбились со счету, сколько раз меня теряли. Любимым моим развлечением было воображать себя отважным исследователем, как дедушка и прадедушка. Я стремилась исследовать каждый квадратный дюйм земли вокруг фермы.

В тот день, когда я впервые увидела белого медведя, я выскользнула из дому, пока сестра Зёльда отвлеклась на лягушку, спрятанную мной в кастрюлю в кухонном шкафу. Я перебралась через каменную стену, перебежала луг, но не стала забираться на скалу (с которой, по словам домочадцев, я свалилась и чуть не утонула в возрасте двух лет), а свернула на север. Я очень долго шла и вскоре оказалась в маленькой роще. Там среди деревьев стоял белый медведь. И очень тихо за мной наблюдал.

Я остановилась, с восхищением глядя на его белоснежную шкуру. Я была слишком мала, чтобы испугаться, поэтому широко улыбнулась зверю. Он поглядел на меня немного, потом отвернулся и неуклюже побрел прочь. Я побежала было за ним, но он исчез. Вскоре я почувствовала голод и повернула к дому.

Я не сказала ни маме, ни папе, что видела белого медведя. Особенно маме, потому что знала: после такого случая она сделает все, чтобы удержать меня поближе к дому.

– Вот видишь, – сказала бы она. – Здесь повсюду бродят страшные, дикие животные. Это очень опасно!

Но зато я рассказала Недди, и его реакция меня разочаровала. Он нахмурился и заговорил тем поучающим тоном, который я ненавидела:

– Тебе нельзя подходить к белому медведю, Роуз. Они опасные и жестокие существа с длинными острыми зубами, которыми можно перекусить тебя пополам. Они всегда голодны и быстро бегают.

Как будто он все знал про белых медведей!

Я не стала его слушать. С тех пор белый медведь превратился в моего воображаемого друга и спутника. Я представляла, что путешествую на его белоснежной спине, и мы вдвоем завоевываем новые земли.

Я провела большую часть детства, страстно и тщетно желая снова увидеть белого медведя. В наших краях они попадались крайне редко, потому что жили на снежном севере.

Белый медведь

Смотрю на ребенка.
Девочка с карими глазами.
Карие глаза.
Она улыбается.
Стою между деревьев и смотрю на нее.
Девочка.
Подросла.
Не боится.
Она идет ко мне.
Доверчивые карие глаза.
Нет.
Небезопасно для нее.
Голод.
Голод.
Голод.
Должен идти.
Быстро.
Что-то съесть.
Сейчас же.
Потом вернуться.

Недди

Когда Роуз было пять лет, она начала ткать. Первой вещью, которую она собственноручно сделала, был пояс с неумелым рисунком медведя. У нее было две страсти: ткать и путешествовать со своим воображаемым белым мишкой.

Если она была дома, то обязательно плела поясочки на своем маленьком ткацком станке. Когда поясов стало больше, чем все мы могли когда-нибудь сносить (даже некоторые животные на ферме щеголяли в поясах Роуз), мама научила ее ткать на большом станке. К восьми годам Роуз могла соревноваться в этом ремесле со старшими сестрами.

Однажды она относила корзинку с яйцами вдове Озиг и заметила в ее доме ткацкий станок. Вдова была местной мастерицей, ткала накидки, коврики и что-то еще. Она продавала их в соседней деревушке Андальсины и бродячим торговцам, которые увозили ее изделия на далекие базары и рынки.

Роуз видела только наш простой станок, поэтому соседский показался ей огромным и впечатляющим. Он был в, два раза выше самой Роуз, отполированный и украшенный резьбой.

К сожалению, вдова Озиг была ворчливой старухой, которой не было дела до маленькой дикарки. Больше всего на свете Роуз захотелось иметь свой собственный станок, такой

же большой и красивый, как у вдовы. Но она знала, что это невозможно, что отец никогда не сможет себе этого позволить.

Роуз была упрямой девочкой, и она не успокоилась до тех пор, пока не нашла способ получить разрешение ткать на станке вдовы.

Когда Роуз исполнилось девять лет, она обнаружила, что вдова питает слабость к лисичкам. Тогда Роуз научила свою любимую собаку Снурри находить эти грибы в лесу по запаху. И она добилась своего: за корзину лисичек раз в неделю вдова Озиг разрешала ей учиться ткать на своем станке. Хотя уроки были короткие и неприятные (часто сестра приходила домой в слезах после какой-нибудь насмешки вдовы), Роуз была настойчивой ученицей. Очень скоро корзинки с лисичками стали просто способом получить возможность поработать на станке самостоятельно. На такие упражнения у Роуз было совсем мало времени – в коротких перерывах между работой самой вдовы, многие изделия которой требовали массу времени на изготовление. К тому же если бы не ревматизм хозяйки станка, то у Роуз вообще не было бы возможности ткать. Когда болезнь разыгрывалась, вдова долго не бралась за работу, иногда даже по две недели, если было совсем плохо.

«Спасибо тебе, Боженька, за ревматизм вдовы Озиг», – приговаривала Роуз каждый вечер перед тем, как лечь спать. Однажды мама услышала это и отругала ее, поэтому впредь

Роуз стала осторожнее и стана шептать слова благодарности про себя.

Но даже таким образом Роуз не могла соткать ничего значительного, на что потребовалось бы больше нескольких дней работы. Как-то раз в кладовой вдовы Роуз заметила старый ткацкий станок, прислоненный к дальней стенке. Рамка его угрожающе наклонилась, покоробившийся валок и рейки галева[5] были расколоты, поперечной балки, казалось, и вовсе нет. Запутанные прогнившие нитки болтались вверху и внизу. Но Роуз это не смутило.

Она долго и упорно носила вдове корзинки с грибами, пока та наконец не разрешила ей попробовать починить сломанный станок. К тому же вдова заставила Роуз до блеска вычистить старую грязную кладовку.

Роуз уговорила отца, Виллема и меня помочь ей. Вдова даже не разрешила уносить станок. А потом все время жаловалась, что мы очень шумим и стучим своими молотками.

Я очень удивился, что вдова Озиг сразу не отдала станок Роуз, ведь она сама-то явно не собиралась им пользоваться. Еще больше раздражало то, что противная тетка продолжала требовать лисички за пользование станком, который мы починили, и заставляла Роуз работать в своей темной холодной кладовке.

И все равно я не видел Роуз более счастливой, чем когда у нее выдавалось свободное время, чтобы пойти поработать

---

[5] Части ткацкого станка

на станке.

Я написал стихотворение про вдову Озиг. Оно начиналось так:

Мастерица-вдова, чьи проворные руки
Кровью жертв выплетают на ткани узор,
Губы сухи, а пряди, как будто гадюки, —
Гонят души несчастных в адский костер.

Может, конечно, я и преувеличил. Но совсем немного.

Роуз

Сперва я выткала на станке вдовы Озиг узкую скатерть. На ней был простой рисунок с оленем, но я безумно гордилась ею. Следующим моим детищем стала шаль для мамы и шарфы для трех моих сестер. Потом я соткала куртки для Недди и папы.

Последняя вещь, сотканная на том станке, была для меня. Плащ. Я трудилась над ним больше полугода. За это время дела на ферме совсем пришли в упадок.

Отец рассказал мне, что неприятности начались в тот год, когда я родилась. Урожай ячменя погиб, а потом наступила необычно суровая зима, которая погубила наши основные посевы. На фруктовые деревья напала тля, домашняя птица вымерла от какой-то болезни, к тому же постоянно случались неурожаи. В то лето, когда я ткала себе плащ, дела были настолько плохи, что я почти перестала ходить за лисичками для вдовы. Да и для рукоделья оставалось слишком мало времени. Ткали только то, что было крайне необходимо. Мы все работали не покладая рук, чтобы просто не умереть с голоду. Лишней шерсти тоже не было.

Долгое время я выискивала повсюду клочки шерсти. Я находила их в щелях заборов и на коре деревьев. Но, конечно же, этого было мало. Только благодаря папе мне удалось закончить плащ. Он приносил мне шерсть, которую добывал у

соседей, и настаивал на том, чтобы я отрывалась от работы, чтобы сходить со Снурри в лес за лисичками.

С годами язык вдовы Озиг становился острее. Ей не нравилось, что нам так не везет. Часто она говорила об этом с грубостью, отпуская едкие шуточки по поводу фермерских способностей моего отца. Я бы давно перестала к ней ходить, но очень хотелось закончить плащ. Это было лучшее, что я когда-либо делала. Жизнь на ферме становилась все хуже, и я подумывала, не продать ли мне его – деньги были так нужны. Но отец и слышать об этом не хотел. Он сказал, что плащ принадлежит мне.

Сначала я показала его Недди. Я встретила брата, когда возвращалась домой от вдовы. Солнце светило, дул легкий осенний ветерок, а я была возбуждена из-за того, что работа закончена.

Он сразу понял. И улыбнулся своей замечательной улыбкой.

– Покажи, – сказал он.

Я нетерпеливо начала разворачивать плащ. Подул ветерок и качнул полы плаща, бросил материю прямо Недди в лицо, и мы рассмеялись. Недди взял плащ за подол, а я держала верх.

– Роза ветров, – сказал Недди. – *Твоя* роза ветров.

Я кивнула:

– Как ты думаешь, папе понравится?

– Конечно. Он такой красивый.

Я снова засмеялась, зная, что Недди прав.

– Надень его. – Он поднял плащ, накинул на меня и застегнул.

В плаще было тепло и уютно.

– Подошло бы и для королевы, – сказал Недди.

Я улыбнулась, вспоминая игры, в которые мы играли в детстве. Я была королевой Роуз, а он был моим верным волшебником, или пажом, или учителем, или кем ему было угодно.

Полы плаща снова подхватил ветер. Недди пытался поймать их, и мы оба смеялись до слез.

Тогда-то я и увидела медведя. Мы с Недди стояли около зарослей рябины. Я увидела его между стволов деревьев. То есть я увидела глаза и неясные очертания белой фигуры. Казалось, мы смотрели друг на друга целую вечность. Недди все еще говорил про королеву Роуз, но его голос терялся где-то, а я видела только те черные глаза.

Я должна была испугаться такого огромного зверя, стоящего так близко. Но я не испугалась.

Белый медведь

Не испугалась.
Ее рот, улыбка.
Пронизывает.
Так давно, такая потеря.
Один.
Всегда один.
Плащ. Ловит ветер.
Цвета.
Север.
Юг.
Восток.
Запад.
Карие глаза.
Север, юг, восток, запад.
Восток.
Не боится.

Недди

Роуз что-то прошептала, но я не расслышал. Ее взгляд был прикован к зарослям деревьев, которые начинались прямо у меня за спиной.

– Белый медведь, Недди, – сказала она громче.

Но когда я повернулся, там никого не было.

Роуз затащила меня в рябинник, и мы стали ползать по земле, стараясь найти следы огромного зверя.

– Ты ведь веришь мне, да? – спросила она.

Никаких следов не было. Но все равно я верил, хотя и не сказал.

– Пора ужинать, – бросил я и повернул к дому.

Роуз сияла плащ и, складывая его па ходу, поспешила за мной.

– Что такое, Недди?

– Ничего. – Я попытался ответить нормальным голосом. – Вечереет…

Но я лгал. Я очень испугался. Не белого медведя и не за себя.

– Мне кажется, ты от меня что-то скрываешь, – не отставала сестра.

– С чего ты это взяла?

Роуз взглянула на меня:

– Как бы мне хотелось, чтобы ты его увидел, Недди. Он

такой большой, а глаза… Как будто он чего-то хочет. И еще он был печален.

– Тебе показалось, – поспешно проговорил я. – Сейчас слишком жарко для белых медведей. Да ты ведь знаешь, они не заходят так далеко на юг даже зимой. Может, это была белая олениха. У них тоже печальные глаза.

Да, я говорил неправду. Ведь я видел глаза белого медведя несколько лет назад. И я не сомневался, что это был тот же самый зверь.

После того как я увидел глаза медведя, спасшего Роуз, я стал расспрашивать о них всех, кого встречал. Многие ничего не знали. Зато один торговец, который ходил далеко на север с охотниками-саами[6], оказался весьма сведущим человеком.

– Прежде чем я отправился ловить белого медведя, – поведал мне торговец, – саами научили меня. Они сказали, что я должен знать все об этом животном, если собираюсь поймать его. Саами называют его *Великий Путешественник,* или *Медведь-Призрак.* Были у них и другие названия: *Тот, Кто Ходит, Не Оставляя Тени, Ледяной Гигант, Белая Громадина, Морской Медведь.* – Торговец сделал паузу, а затем продолжил: – Белый медведь – одинокий странник, он никогда не ходит в стае или даже с подругой. Передвигается на четырех лапах, а уж если встанет на задние лапы, то может ока-

---

[6] *Саами* – кочевой народ, обитающий в северных районах Норвегии, Швеции, России и Финляндии.

заться и десять футов[7] ростом. Он живет обонянием. Саами так говорят: «Упадет иголка с сосны. Ястреб ее увидит. Олень услышит. А белый медведь унюхает». У него черные глаза, черный нос, на каждой лапе по пять черных когтей. Все остальное белоснежное.

Я слушал торговца, а глаза мои были прикованы к шраму у него на лбу. Может, это медведь поцарапал его своим черным когтем?

Я узнавал все больше. Например, что место обитания белых медведей простирается к северу от нас, там, где снег укрывает землю чуть ли не двенадцать месяцев в году. Случалось, что белые медведи захаживали и в наши края, но крайне редко и только в суровые зимние месяцы.

Я узнал, что зрение у медведя намного слабее обоняния, хотя все равно они очень хорошо видят. У них есть еще одно веко, которое защищает глаза от сияния снега, помогает смотреть под водой и пробираться сквозь буран.

Я узнал, что из всех медведей у белого самая густая и мягкая шерсть и только на носу и подушечках лап она отсутствует. У медведя сорок два зуба, включая длинные острые клыки. Животное питается мясом, но может прожить на ягодах и траве, если нужно. Сила белого медведя стала легендой. Говорят, он может убить одним ударом лапы.

Я даже написал стихотворение о белом медведе. Оно начиналось так:

---

[7] *Фут* – мера длины, равная 30,48 см.

Призрачный странник на троне кочующем, севера царь, —
Властвуй, медведь одинокий!
Каждому встречному смерть приносящий ныне, как встарь.

Вскоре после этого я решил, что не буду поэтом.

Отец

В тот день, когда Роуз принесла домой готовый плащ, мне показалось, что с ней произошло нечто очень важное. И с Недди тоже. Оба притихшие, замкнутые. На ссору не похоже. Я спросил Роуз, как вела себя вдова Озиг, и услышал в ответ:

– Не хуже, чем обычно.

Потом Роуз расправила плащ и показала его мне.

Я с изумлением его оглядел. Не верилось, что моя дочь Ниам, моя Роуз сделала такое своими руками. Здесь было больше цвета и вдохновения, чем можно было себе представить.

– Твоя роза ветров…

– Да, папа. Надеюсь, ты не против, что я ее скопировала.

– Конечно же нет. Это… – запнулся я, вдруг осознав, что ложь прокралась и сюда. Сама того не подозревая, Роуз вплела ложь в свой плащ.

Я снова стал восхищаться способностями дочери. Думаю, Роуз что-то почувствовала и несколько раз удивленно на меня взглянула, пока все вокруг собирались, чтобы полюбоваться работой. В тот вечер Ольда приготовила праздничный ужин, вытащив все, что осталось, из нашей кладовки.

Тот день, когда дочь принесла домой плащ, оказался последним счастливым днем для нашей семьи. Роуз было то-

гда почти пятнадцать лет, а бедствовать мы начали еще с того года, когда она родилась. Иногда мне приходила в голову мысль, что наши неудачи связаны с ложью про рождение Роуз, но я тут же упрекал себя в том, что становлюсь таким же суеверным, как Ольда.

Я был неважным земледельцем. Когда мы только перебрались из Бергена на ферму, удача улыбалась нам. Но с тех пор все изменилось к худшему. Той осенью, когда Роуз закончила плащ, мы едва сводили концы с концами и часто голодали.

В довершение всего родственник Ольды, у которого дела тоже пошли вкривь и вкось, был вынужден продать все свои земельные участки. Нашу ферму купил преуспевающий торговец, который жил очень далеко – в городе Осло[8]. На лошади ехать до Осло не меньше месяца, поэтому самого торговца мы не видели. К нам приезжал посыльный от его уполномоченного Могенса. Плата за ферму не взлетела вверх сразу, но мало-помалу стала увеличиваться и постепенно сравнялась с нашим доходом, так что на жизнь почти ничего не оставалось. Со временем двое наших старших детей уехали с фермы. Нильс Отто отправился в Данию, где надеялся найти работу. А Зёльда Орри вышла замуж за кузнеца и переехала с ним в другую часть Норвегии. Мы редко получали от них весточки.

В тот день, когда Роуз принесла домой плащ, на нас обрушился последний удар. От Могенса пришло письмо, в кото-

---

[8] *Осло* – столица Норвегии с 1814 года.

ром сообщалось, что мы должны освободить ферму в течение месяца.

В семье Ольды в живых остались только брат и сестра, перебравшаяся в Исландию после того, как муж покинул ее. Единственные люди, к которым мы могли обратиться, были мои родственники.

Скрепя сердце я сочинил письмо брату, который вел дела семейной фермы. Я не был уверен, что он нас примет, ведь мы давным-давно не виделись. Даже если он нас пожалел бы, до места, где я вырос, было очень далеко, и я боялся, что нам не хватит денег на дорогу. Мы уже продали повозку и всю скотину с фермы, чтобы заплатить долг новому владельцу земли.

Но потом я взглянул на голодные лица, на старую заношенную одежду моих домочадцев и понял, что выбора нет.

Были мгновения, когда я приходил в отчаяние. Я называл себя неудавшимся мужем и отцом, и даже думал о самоубийстве.

В то нелегкое время Ольда была мне опорой и поддержкой. Несмотря на суеверия, она была сильной и преданной женщиной. Она никогда не обвиняла и не осуждала меня, не жаловалась на свою судьбу. Каким-то образом ей удавалось превратить одну ложку еды в две, починить самую ветхую одежду.

Правда, Ольда любила придумывать объяснения, основанные на суевериях, почему нам так не везет. Тем не менее

она стойко взваливала на себя все тяготы нищеты и не давала нам раскисать.

И вдруг заболела Зара.

Недди

Когда заболела Зара, я почувствовал, что в маминой душе поселился страх. До этого момента она была спокойна и уверена. Я понимал, что болезнь дочери заставила их с отцом вспомнить смерть Оливи.

В доме тогда осталось пятеро детей: я, Роуз, Зара, Зорда и Биллем.

Мы ждали ответа от брата отца. Это была наша единственная надежда. Но стало ясно, что, даже если он согласится нас принять, мы не сможем совершить такое далекое путешествие, пока Зара болеет.

К счастью, сосед Торск предложил нам на время перебраться к нему, чтобы мы не остались на улице, когда приедет владелец земли. Сам Торск тоже едва сводил концы с концами, но у него хоть осталась собственная ферма. Мы знали, что не можем задерживаться у него слишком долго и посягать на его скудные запасы.

Я для себя решил, что, как и старший брат Нильс, уйду из дома и попытаюсь сам устроиться в жизни. Тогда я буду посылать все, что заработаю, семье. Давняя мечта учиться в большом городе растаяла как дым.

Мама не отходила от Зары ни на минуту. Отец бесцельно бродил вокруг дома – он как будто постарел лет на двадцать. На ферме нам оставалось жить чуть больше двух недель.

В ту осень рано начались холода. Первый буран налетел еще до того, как удалось собрать последний урожай. Спустя несколько дней потеплело и снег стаял, но было уже поздно. А потом наступила обычная осенняя погода – бесконечный холодный дождь.

Как-то вечером, когда за окном дождь лил как из ведра, мы собрались у очага. Вдруг за дверью послышался какой-то звук. Мама сидела в глубине комнаты около Зары, которая только что заснула.

Звук повторился. Я обменялся взглядом с отцом, подошел к двери и осторожно приоткрыл ее, желая узнать, кто или что могло быть снаружи в такой вечер. И успел заметить только белое пятно, прежде чем дверь распахнулась. Я отступил, и что-то огромное и мокрое ворвалось внутрь.

Я увидел большого белого медведя, который остановился посреди комнаты.

В открытую дверь врывался ветер с холодным дождем, но никто этого не замечал.

– Закрой дверь. – Голос был странный, тяжелый.

Это казалось невозможным, но я сразу понял, что голос принадлежал белому медведю.

Сестра Зорда покачнулась, готовая вот-вот упасть в обморок. Я подскочил к ней и схватил за плечи. Она дрожала.

Роуз подошла к двери и захлопнула ее.

Это было похоже на сон: громадный зверь ворвался к нам в дом. Медведь стоял на четырех лапах и ростом был с меня.

Вода лилась с его шерсти на деревянный пол. Когда-то давно я уже видел подобное.

Я сразу догадался, что это был тот самый медведь, которого я видел в детстве, тот, который спас Роуз. Даже если у меня и оставались сомнения, то они рассеялись, как только я взглянул в его черные глаза. Это был тот самый медведь. Дурные предчувствия переполняли меня.

Он оглядел комнату, нас всех – одного за другим. Дольше всего смотрел на Роуз. Потом повернулся к отцу.

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь… – Зловещий голос эхом пронесся по комнате. Он говорил медленно, останавливаясь после каждого слова, как будто ему было очень трудно, даже больно произносить слова. – Тогда та, которая умирает, поправится. А сами вы станете богатыми, будете жить в довольстве и покое.

Тишину в комнате нарушали лишь шум дождя снаружи да потрескивание дров в очаге. Медведь снова заговорил:

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь, тогда та, которая умирает… – Он повторил свою речь, так же переводя дыхание после каждого слова.

Мама поднялась с табурета около кровати Зары.

– Вы могли бы вылечить мою дочь? – спросила она почти шепотом, а в глазах засветилась отчаянная надежда.

– Да, – прорычал голос.

– Как?

– Если вы отдадите мне свою младшую дочь, тогда та, ко-

торая умирает… – начал медведь в третий раз.

Но тут встал отец. Он как будто только что собрался с мыслями – как после удара.

– Хватит, – сказал он громко. – Ты не получишь Роуз. И никого другого.

Медведь повернулся к отцу, потом к Роуз.

– Не решайте так скоро, – проговорил он. – Я вернусь через семь дней. Тогда вы мне и ответите.

И пошел к двери. Я сам видел, как Роуз ее плотно закрыла, но дверь распахнулась сама собой, и медведь исчез в ночи.

Отец быстро подошел к двери и захлопнул ее.

Мы все изумленно молчали. Если бы не большая лужа посредине комнаты, где стоял медведь, думаю, никто из нас, кроме Роуз и мамы, вообще не поверил бы в то, что все происходило наяву.

– Арни, – сказала мама.

– Отец, – послышался голос Роуз.

Они заговорили одновременно, но отец покачал головой.

– Тут нечего обсуждать, – произнес он не терпящим возражений тоном. – Это колдовство, мы не будем в нем участвовать. Ни за какие обещания или богатства.

– Но, Арни, – сказала мама, – подумай о нашей Заре…

– Нет! – резко ответил он. Никогда раньше я не слышал, чтобы отец повышал голос на маму.

Мама побледнела:

– Но мы должны уважить его просьбу. Иначе на нас обру-

шатся еще большие неприятности.

– Ольда, мы не будем больше об этом говорить, – отчеканил отец. – Иди к Заре. Холодный воздух не пошел, ей на пользу.

Мама вернулась к Заре, но, несмотря на бешенство отца, в ее глазах все еще светился лучик надежды. Было ясно, что она так этого не оставит. Я сходил за платком для дрожащей Зорды, потом повернулся к Роуз. Она сидела на стуле возле огня, я сел рядом и взял ее за руку. Та оказалась совсем холодная. Взгляд сестры испугал меня. В нем было волнение, смешанное со страхом и замешательством.

– Что все это значит, Недди?

Я покачал головой.

– Когда я была маленькой, мама рассказывала мне истории, в которых животные разговаривали. Я, конечно же, ей не верила, но теперь…

Я молчал.

– Ты видел, как переливалась его шерсть?

– Она была мокрая, – рассеянно ответил я.

– Белый медведь, – выдохнула она. – Как раз такой, с каким я мысленно дружила в детстве.

Я наклонился, чтобы помешать угли в очаге.

– А ты видел его глаза? Недди, как ты думаешь, это может быть тот же медведь, которого я повстречала на днях? Думаю, это он.

Я опять покачал головой, не желая по некоторым сообра-

жениям одобрять такую мысль. Но тут подошел отец и прервал нас.

– Надо еще помыть посуду, а потом, наверное, лучше пойти спать.

Мы послушно встали. Отец взял Роуз за руку.

– Не позволю ни одному дикому животному забрать тебя, Роуз. Ты это знаешь. Я всегда буду тебя защищать.

– Но, папа, а как же Зара?

– Мы будем о ней заботиться. И она поправится.

Теперь Роуз покачала головой:

– По крайней мере, нужно…

– Нет, – решительно оборвал отец.

Позже, когда мы укладывались спать, Роуз прошептала:

– Почему белому медведю понадобилась именно я, Недди?

Я понятия не имел, хотя в глубине души чувствовал, что ответ скрывается в грустных глазах животного. Ему было что-то очень-очень нужно.

Роуз

В течение следующего дня я вздрагивала из-за малейшего шума и не могла ни на чем сосредоточиться.

Мы все были раздражены, взвинчены и вообще не похожи сами на себя.

Отец запретил даже упоминать про белого медведя и его просьбу. Я слышала, как они с мамой ссорились по ночам. Они старались говорить тихо, но однажды я невольно подслушала их разговор.

– Я не буду жертвовать одной дочерью ради другой, – сказал отец.

– Дело не в этом, – отвечала мама. – Если мы ничего не предпримем, Зара точно умрет.

– Почему ты так уверена, что этот белый медведь вылечит Зару?

Мама тихо ответила, я не разобрала слов. Потом папа прервал ее:

– Неужели ты действительно хочешь доверить жизнь Роуз дикому северному созданию за призрачное обещание чуда? Это сумасшествие. Если Роуз уйдет с белым медведем, мы больше никогда ее не увидим. Обменять ее жизнь на здоровье Зары – тут даже не о чем спорить!

Прошло несколько дней, Заре не стало ни хуже, ни лучше. Местный лекарь сказал, что нам нужно продолжать поить ее

травяными настоями. Мы готовились переехать к Торску на ферму, чтобы пожить там до тех пор, пока не получим известия от брата отца.

Я все время думала о белом медведе, ничто другое просто в голову не шло. И решила: несмотря ни на что, мне нужно принять его предложение.

Однажды днем я попыталась обсудить это с Недди, пока мы складывали наши скудные пожитки в дорожные сундуки.

– Я пойду с белым медведем, – выпалила я.

Недди с ужасом взглянул на меня.

– Не могу сидеть спокойно и смотреть, как Зара умирает. – Я заговорила быстро, чтобы убедить Недди. – Особенно теперь, когда знаю, что нужно сделать для ее спасения.

– Роуз, – умоляюще сказал Недди, – ты не должна об этом думать!

– Еще медведь сказал, что исчезнет нищета, в которой мы уже почти утонули. Только подумай, Недди, отец снова мог бы заняться картами. А ты поехал бы в Берген учиться – ты об этом всегда мечтал!

– Нет, – убежденно ответил Недди. – Если это животное и могло бы такое устроить, цена, которую ты должна заплатить, слишком высока.

Я молчала. Обсуждать это с Недди было бесполезно. Пришлось оставить все свои мысли и планы при себе.

Кроме этого, у меня был еще один повод уйти с белым медведем. Мне просто *хотелось* уйти с ним. Я понимала, что

это безумие – отправиться в неизвестные земли с диким животным, которое, без сомнения, сожрет меня в конце путешествия. Я боялась умереть. Но все равно хотела уйти.

Я знала, что отец никогда не согласится.

Что касается мамы, меня очень смутило то, с какой легкостью она согласилась отдать меня белому медведю. Неужели она не любила меня? А если бы медведь попросил Оливи, так же охотно мама рассталась бы с ней?

На шестой день я рано вернулась от вдовы Озиг. Я вошла в дальнюю комнату и случайно услышала, как мама с папой громко разговаривают в гостиной. Я подумала, что они опять ссорятся, и чуть было не вошла к ним, но вдруг услышала, как папа сказал с тоской:

– Я не могу перестать думать о том, что за всем этим стоит ложь о рождении Роуз.

Ложь? У меня по спине побежали мурашки. Мама резко ответила:

– Никакой лжи. Она Ориана Роуз.

– Ольда, она не восточный ребенок. Мы оба это знаем.

– Она Ориана Роуз. – Мамины слова прозвучали медленно и твердо.

– Нет, – громко сказал отец. – Она – Ниам.

– Ниам? – Повисла пауза. – Она не Ниам, – холодно произнесла мама. – Я не думала, что ты веришь в родовое направление. Это же суеверие, ты всегда так говорил.

– Я и не верю. По крайней мере, не верил. Но когда я впер-

вые взял ее на руки, посмотрел ей в глаза, то понял, что это Ниам. В глубине души я всегда звал ее Ниам.

Правда постепенно доходила до меня. Имя Ниам начиналось с буквы «Н» – норд. Я должна была заменить Оливи, но родилась на север. На компасе у меня было собственное место. Волнение поднималось у меня в груди. Потом к нему добавилась злость. Я покраснела и стала задыхаться.

Мама с папой обманывали меня все эти годы. Я резко повернулась и задела локтем миску, которая с грохотом свалилась на пол.

– Кто там? – крикнул отец.

Вдруг я поняла, что не хочу видеть их лица. Мне нужно было время подумать. Я вылетела из дому, на бегу застегивая плащ: стоял холодный осенний день.

Пока я бежала, вдобавок к злости во мне проснулось воодушевление. Я родилась на север. Это было ясно.

Неудивительно, что мама так старалась держать меня поближе к себе, чтобы превратить в точную копию Оливи.

Мы все хорошо знали, как мама относится к северным людям. Каждый раз, когда ей рассказывали о том, что кто-то плохо себя ведет или вредничает, она неизменно качала головой и с осуждением говорила:

– Он точно рожден на север, запомните мои слова.

Я знала, что роды начались внезапно в непогоду. Должно быть, мама придумала ту правду, с которой смогла жить. А отец с ней согласился. «Ложь о рождении Роуз… Ниам».

У меня было такое чувство, как будто я больше не знаю своих родителей. Или себя.

Потом я вспомнила про розу ветров, которую папа нарисовал для меня. Это тоже была ложь. Я сорвала плащ и расстелила его на земле.

Встала рядом с ним на колени. Да, вот солнце восходит. Но белое пятно, которое я всегда принимала за облако, было медведем. Теперь я точно разглядела. Белый медведь стоял, глядя на север. Папа не смог утаить правду. Она лежала передо мной. Правда и ложь – рядом.

Ниам. Он назвал меня Ниам, как только впервые взял на руки. Орианы не существовало. Мне никогда не нравилось имя Ориана, подумала я про себя. А Роуз тоже была ложью? Нет, Роуз была в центре розы ветров. Это имя вообще не относится к родовым направлениям.

И вдруг меня осенило.

Знал ли кто-нибудь еще об этом? Только мама и папа или?.. Недди знал?

Нужно обязательно выяснить.

Недди был у соседей, помогал чинить забор. Я подобрала плащ. Носить его мне больше не хотелось. Дрожа от волнения, я направилась на ферму Торска.

Недди

Смеркалось, когда мы закончили чинить забор. Я пожелал доброго вечера Торску и проводил его взглядом. Он был хорошим человеком. Интересно, что бы он подумал, расскажи я ему, как шесть дней назад белый медведь зашел к нам в большую комнату и попросил отдать ему Роуз в обмен на здоровье Зары и богатство для всей семьи. Я представлял недоуменное выражение лица Торска. А потом он улыбнулся бы и сказал:

– Одна из твоих сказочек, да, Нед?

Звучало и правда как сказка, которую рассказывают детям зимним вечером у камина. Похоже на историю про Локки[9], превращенного в белого медведя, который требовал жизнь одной девушки в обмен на вечное счастье Мидгарда, мира людей. Такое на самом деле в обычной жизни не случается.

Я любил старинные волшебные истории, но в жизни мне не хотелось разговаривать с животными, которые приходят с таинственными просьбами в дождливые ночи. Такие приключения подходят для сказок, там и должны оставаться.

Шесть дней я пытался убедить себя, что все это мне приснилось. Что нам всем приснился одинаковый сон. Может,

---

[9] *Лаки* – бог хитрости и предательства. Он никогда не выполнял своих обещаний, всем вредил, поэтому его назвали «позорищем богов и людей». Он мог превращаться в кого угодно: и в женщину, и в лосося, и в лошадь.

так оно и было.

Но я знал, что это не сон. На следующий день медведь должен был вернуться.

Мы с сестрой больше не разговаривали после того вечера, но я наблюдал за Роуз и подозревал, что она собирается уйти с медведем. Эта мысль наполняла меня невыносимой болью. Я поклялся себе, что не отпущу ее – не важно каким способом.

Когда я подходил к нашей ферме, то вдруг с удивлением увидел, что Роуз направляется ко мне. Было холодно, но она несла плащ в руке. Я забеспокоился. Когда она подошла ближе, я заметил, что она очень бледна, а в глазах какое-то странное выражение. Сначала я подумал, что она плакала, но следов от слез не было видно.

– Роуз, что такое? Что случилось? – Я испугался, что Заре стало хуже.

Роуз посмотрела на меня, как будто пытаясь прочесть что-то в моем взгляде.

Потом вдруг взяла плащ, встряхнула его и расстелила на земле.

– Роуз?

Она ничего не говорила.

– Ты дрожишь. Почему ты не надеваешь плащ?

– Ты знал? – Голос ее звучал серьезнее, чем обычно.

– Знал – что?

– Про обман? «Ложь о рождении Роуз»! Вот она, здесь. –

Сестра ткнула пальцем в рисунок на плаще.

Я с изумлением посмотрел на нее.

– Ложь, Недди. Я родилась вместо восточной Оливи. Но на самом деле я Ниам! – Она с вызовом произнесла имя.

Я все еще не мог понять, хотя во мне зашевелились подозрения.

– Я родилась на север, а не на восток, Недди. Я настоящая северная девушка.

Роуз встала на колени и указала на белое облако к северу от розы ветров на своем плаще.

– Белый медведь, – сказала она.

Вот так она и узнала правду, о которой я уже давно догадывался.

Она прочитала это у меня на лице.

– Ты знал, не так ли, Недди?!

Я молчал несколько секунд, потом кивнул. Глаза Роуз наполнились слезами, но она со злостью смахнула их.

– Мне никто не говорил, – поспешил добавить я. – Я догадывался.

– Почему ты молчал?

– Потому что… Это была только догадка, и я… – Как я мог объяснить, что, так же как и мама, не хотел, чтобы Роуз оказалась северной, если это означало, что она всегда будет уходить.

Вдруг, к моему ужасу, Роуз схватила плащ и принялась яростно рвать его на части.

– Север, запад, юг, восток, – приговаривала она. – Это вам и мне урок! – Она кинула мне обрывки плаща и пошла прочь.

Я подобрал их и пошел за ней.

– Рози! Пожалуйста, подожди.

Она остановилась. Я положил руку ей на плечо:

– Прости. Я надеялся, что ошибаюсь. Не верил, что мама с папой могут обманывать нас.

Она повернулась, и я обнял ее. Роуз так сильно колотило, что мне пришлось снять свое пальто и закутать ее.

– Все хорошо, – прошептал я.

Постепенно она успокоилась. Потом подняла глаза на меня и сказала:

– Я пойду с белым медведем, Недди.

– Нет, – резко сказал я. – Ты не можешь.

– Я так решила. Возможно, это и есть моя судьба.

Она показала на верхний кусок плаща, который я нес в руке. Это было изображение белого медведя.

– Ты не должна уходить… Отец не позволит, – запинаясь проговорил я.

– Ему меня не удержать.

– Роуз, пожалуйста, не говори так, как будто это уже окончательное решение. Может, утром Заре станет получше.

Роуз помолчала, потом покачала головой:

– Я подумаю. Но за это ты должен пообещать мне, Недди, не говорить отцу о том, что я знаю правду. Тем более о том, что я собираюсь уйти с белым медведем.

Уцепившись за эту крохотную надежду, я согласился.

Мы вернулись домой к ужину. Никто не заметил, что на Роуз мое пальто, а у меня в руках обрывки ее плаща. Я молча протянул Роуз материю, но она покачала головой, отдала мне мое пальто и пошла на кухню. Я не знал, как поступить с плащом, и просто распихал куски ткани по карманам.

В тот вечер папа впервые заговорил о белом медведе:

– Завтра мы будем вести себя так, как обычно. Но вечером я останусь здесь один, чтобы дать ответ медведю. А вы все пойдете к Торску. Мы придумаем, что ему сказать. Например, что мне нужно кое-что починить, а шум мешает Заре. Будете ждать, когда я за вами приду.

Раздалось сразу несколько голосов, не согласных с таким планом. Мама была твердо убеждена, что им с Роуз нужно быть дома, когда явится медведь. Мы с Виллемом тоже настаивали на нашем присутствии – на тот случай, если животное решит напасть.

Затем заговорила Роуз, тихо и твердо:

– Я должна остаться с тобой, отец.

– Нет, – так же твердо ответил он. – Я не позволю.

– Медведь может потребовать ответ от меня.

– Она права, Арни, – вставила слово мама.

– Нет.

Роуз перевела дух, на щеках выступили пятна.

– Если меня здесь не будет, – сказала она спокойно, – медведь вполне может пойти к Торску, и тогда все подвергнутся

опасности.

Отец покачал головой, но я заметил сомнение в его глазах. В комнате повисла тишина. Потом он сказал:

– Хорошо, ты останешься.

– Позволь и мне остаться, отец, – попросил я. Отец резко кивнул. Наверное, тоже боялся, что Роуз поступит по-своему, и хотел, чтобы нас было двое – на всякий случай.

– Вам нужно вооружиться, – сказал Биллем.

Отец согласился.

– Хотя я не верю, что медведь может причинить нам зло. И вряд ли он уведет Роуз силой. Если бы хотел, то сделал бы это еще в прошлый раз.

Я пристально смотрел на Роуз, особенно когда она говорила отцу, что должна остаться, чтобы дать медведю свой ответ. Роуз никогда никого не обманывала. Тем более отца. Это пробудило во мне надежду, что она передумала и не пойдет с медведем. Но потом я вспомнил, что отец обманул Роуз и что она на него злится. Теперь я ничего не мог сказать наверняка.

Отец

Когда в древности составителям карт приходилось рисовать неизвестные земли – такие, до которых не добраться, – то они чаще всего придумывали эти земли сами. Они описывали земли, населенные ужасными людоедами, отмечали на огромных морских пространствах воображаемые острова. Мастер Осбьёрн считал, что этот метод устарел и недопустим. Он твердо верил, что, если истина неизвестна, бумага должна остаться пустой.

Я действовал как в древности. Когда мне попадалось нечто неведомое, например говорящее животное у меня в доме, я расценивал это как зло. И когда моя жена заговорила о том, чтобы уступить просьбе злобного существа, я увидел зло в ней самой. Сознательно жертвовать одной дочерью ради другой было отвратительно. Первый раз за всю нашу супружескую жизнь я стал сомневаться в моей Ольде.

Мы прикатили от Торска маленькую тележку, чтобы перевезти Зару. Соседу сказали, что нужно починить дымоход до приезда владельца фермы. Будет много грязи, поэтому лучше, чтобы хоть часть семьи поскорее переехала к Торску. Он не возражал, и мы погрузили Зару на тележку. К счастью, день выдался ясный, и поездка не сильно ей повредила.

Мы с Роуз и Недди молча вернулись на ферму. Ольда оставила нам горшок супа на плите и маленькую буханку

серого хлеба. Роуз неторопливо постелила скатерть – собственного изготовления, а Недди накрыл на стол.

Мы скромно поужинали в тишине. Время шло.

После еды мы помыли и убрали посуду; Роуз уселась шить, а Недди взял книжку. Я бесцельно пошевелил угли в очаге, потом сел просмотреть бумаги, хотя мысли мои витали где-то далеко.

Было уже поздно. В прошлый раз, подумалось мне, белый медведь пришел раньше. Во мне затеплилась надежда, что он вообще не придет. Может, какой-нибудь охотник подстрелил его. Или зверь передумал. Но только я открыл рот, чтобы поделиться своими мыслями, как за дверью послышался шум.

На этот раз никто не открывал дверь. Она сама распахнулась. На пороге в ярком лунном свете стояла Ольда.

Я шумно выдохнул, затем подошел к ней.

– Что ты здесь делаешь? – Мой голос дрогнул. – Зара?..

Она посмотрела на меня и отрицательно качнула головой. Потом подошла к Роуз.

– Дочь, – сказала она. – Я не хочу тебя терять. Я всегда старалась сделать так, чтобы ты была рядом. Но ты должна пойти с белым медведем.

– Ольда! – крикнул я.

– Ты используешь все свои способности восточного ребенка. Мы не потеряем тебя, по крайней мере навсегда. Я знаю. – Пока она говорила, она держала Роуз за руку.

Роуз побледнела. Встала. Потом спокойно вынула свою

руку из руки Ольды и отошла.

– Восточного? – прошептала Роуз. – Восточного… – сказала она громче и покачала головой. – Нет, мама, не восточного. *Северного!* – Последнее слово заполнило всю комнату.

И тут на пороге показался белый медведь. Не успели мы шевельнуться, как Роуз подошла к нему. Она открыла деревянный сундук, который стоял около двери, и вытащила из него небольшой вещевой мешок. Должно быть, она припрятала его там заранее.

– Я пойду с тобой, – сказала Роуз медведю.

Я с изумлением увидел, как он взмахнул огромной лапой и Роуз тут же оказалась на его спине, как будто он был громадной лошадью.

Белый медведь повернулся и исчез за дверью.

Недди вскрикнул и побежал за ними, схватив по пути пальто.

Я тоже бросился за ними, но Ольда встала у меня на пути.

– Она должна уйти. Это ее направление. Ее выбор.

Я взглянул на Ольду. Потом перевел взгляд на пустой дверной проем. Я потерял самое дорогое. То, что ничем не заменить.

Недди

Я увидел впереди белый силуэт.

– Роуз, – крикнул я. – Подожди, Роуз…

Я бежал и кричал, пока не заболело горло. Мне удавалось держать медведя в поле зрения, и, должно быть, они пошли помедленнее, потому что я начал догонять их.

Потом я увидел, что медведь и вовсе остановился.

Луна ярко светила – я четко их видел. Роуз в синем платье сидела верхом, вцепившись в медвежью шкуру. Казалось, она хочет спуститься и не может. Это не с лошади спрыгнуть. Вдруг медведь лег передними лапами на землю, и Роуз неуклюже соскользнула с его спины. Потом направилась ко мне, время от времени оглядываясь назад.

– Я сделала выбор, Недди. Это правильное решение. Мне хотелось схватить ее и унести домой, но я только удрученно кивнул.

– Вот. – Я протянул ей обрывки плаща. – Они сколоты булавками. Потом сможешь сшить их снова. Там, куда ты отправляешься, может быть холодно.

Она взяла разорванный плащ и положила в рюкзак.

– Спасибо, Недди.

– И еще. – Я быстро рассказал о том, как белый медведь спас ее, когда она была совсем маленькой. – Если это тот самый медведь, – закончил я сбивчиво, – то, уж конечно, он

не даст тебе погибнуть.

Думаю, этими словами я пытался убедить скорее себя, чем Роуз.

А она улыбнулась и крепко меня обняла. Затем повернулась и пошла к медведю.

Я смотрел, как он опять сажает ее к себе на спину. И они ушли.

Книга вторая
ЮГ

Они долго-долго шли, и белый медведь спросил:
– Ты боишься?
– Нет, – ответила она. – Я не боюсь.

Королева троллей

Скоро. Уже скоро. Все произойдет, как я и хотела с самого начала.

– Хочешь поиграть? – спросил он. Мальчик с нежным, как свежий снег, голосом.

С этими словами пришло желание! И все изменилось. Бесповоротно.

Тогда я была принцессой; Книга, которую мне дал отец, была новая. Ее подарили мне в канун первого путешествия в Зеленые Земли, чтобы я начала записывать историю моего правления.

Сегодня я отправляюсь в Зеленые. Земли. Даже не верится! С самого детства Урда, моя старая нянька, рассказывала мне истории про мягкокожий народ. Теперь наконец я сама их увижу.

Когда старший ребенок короля достигает возраста по-

знания, по традиции его или ее берут посмотреть Зеленые Земли, которые простираются за пределами Ульдра. Отец говорит, что это странный мир. Что он существует большей частью для того, чтобы мы им пользовались: там мы берем рабов, еду и сырье для одежды.

Он говорит, что они очень необычные, эти мягкокожие. Совсем не такие, как мы. Они медлительные и некрасивые. Их век короток. У них нет таких искусств, как у нас. У них мало драгоценностей, и живут они почти все, кроме королей и королевских семей, в мрачных лачугах. Очень странно, на самом деле.

Урда рассказывала мне больше – про их удивительные вещи. Например, про то, что называется музыка. И про разных животных. И про благоухающие яркие пятна, которые растут из земли и называются цветы. А еда у них мягкая, необычная и с разными вкусами. Отец считает, что она отвратительная, говорит, что меня затошнило бы от нее, но все равно мне очень интересно.

Путешествие было долгим, но в санях было удобно, да и горячий сланк не переводился. Потом стало так тепло, что нам даже пришлось поснимать меха. Как только мягкокожие выдерживают такую удручающую жару? Мне от нее плохо, я становлюсь раздражительной.

Мы пробудем в Зеленых Землях неделю. Остановимся в Каменном дворце. Отец говорит, что он не идет ни в какое сравнение с Ледяным дворцом в Ульдре. Каменный дво-

рец редко используют – только когда нужно набрать новых слуг. А от взгляда мягкокожих он скрыт.

Мягкокожие живут не так долго, как мы, поэтому нужно постоянно пополнять их запас. Вот мы и ездим сюда каждые двадцать-тридцать лет. Отец говорит, что лучше брать одиноких и холостяков, а не детей, потому что возникает меньше шума из-за их пропажи. Сами они нас найти не смогли бы. Слишком далекое и трудное путешествие для мягкокожего. К тому же у нас слишком холодно для них, без сланка они умирают через два-три часа. Если они очень хорошо одеты, могут протянуть день.

Отец говорит, что среди них встречаются те, кого называют исследователи. Им удавалось приблизиться к нашим землям. Мы забирали одного-двоих из них, и они особенно хорошо служили, потому что выносливые и сильные.

Благодаря своим способностям мы легко передвигаемся среди них, а они даже не подозревают о нашем присутствии.

Завтра Урда поведет меня смотреть на мягкокожих. Жду не дождусь!

Не могу уснуть. Случилось потрясающее. Я встретила живого мягкокожего! Мальчика. Я потрогала его кожу – она такая мягкая, как рассказывают, даже мягче. А его голос… похож на… я даже не знаю. Словно пение существ, которых называют птицами, – мы слышали их, когда ходили на юг. Нет, еще более необычный и более красивый.

В Ульдре я видела слуг только издали. Они выполняют

самую грязную работу на кухне и в конюшне. В королевские покои являются слуги-тролли. Живущие в Ульдре мягкокожие становятся скучными и серыми. Поэтому я не знала, какие они на самом деле. Урда говорила, что они уродливы, а голоса их звучат отвратительно. Но она ошибалась.

Урда заснула. Она старая, поэтому все время хочет спать, к тому же на привале она выпила слишком много сланка. И вот я отправилась побродить одна. Я прошла по траве, зеленой и мягкой. От сладких запахов у меня чуть не закружилась голова. А ощущение, когда легкий ветерок касается кожи, так не похоже на ощущение от постоянного сильного ветра в Ульдре.

Потом я увидела, что неподалеку играют дети, и подумала, что могла бы использовать свои способности и незаметно подойти к ним. Но тут игра закончилась, и они ушли.

Но один мальчик вернулся.

–Хочешь поиграть? – спросил он, сжимая в руке круглый красный предмет.

Я поняла его слова, но не смогла сдвинуться с места. Интересно, что это со мной случилось? Потом круглый предмет полетел в меня, и я отшатнулась.

Его рот искривился, показались зубы, и он подбежал, чтобы забрать предмет.

–Это мяч. Я тебя научу, как его ловить.

От его слов и изогнутого рта у меня внутри появилось странное ощущение – тепло и мягко, как будто залпом вы-

пила сланк на голодный желудок.

–Покажи мне, – проговорила я на его языке.

Он удивленно взглянул на меня.

–Ты заболела? У тебя такой странный голос… – начал он, но остановился.

Больше я ничего не говорила, зато поняла, как бросать и ловить то, что он называл мячом.

–Надеюсь, ты не подумала, что я тебя дразню, – сказал он.

Я не поняла последнего слова, но он продолжал:

– У тебя хороший голос.

Я не произнесла ни слова, и мы продолжили бросать мяч.

Потом я услышала чей-то голос, а он сказал, что ему пора идти, что слуги ищут его и что, может быть, мы поиграем когда-нибудь еще.

Я смотрела, как он сбегает с горки и бежит к большому зданию. Он двигался легко и изящно.

Когда я вернулась, меня уже разыскивала все еще сонная Урда. Я сказала, что ходила прогуляться. Но про мальчика решила не говорить. На следующий день я попрошу ее привести меня сюда снова. И прослежу, чтобы она выпила еще больше.

Роуз

Белый медведь шел прямо на юг от фермы, держась подальше от тех мест, где живут люди.

Стояла ясная морозная ночь, звезды сияли на черном небе. Мне всегда нравилось смотреть на звезды. Но в ту ночь я даже не заметила, есть ли оно, это небо, вообще.

Ехать верхом на медведе – совсем не то, что ехать верхом на лошади. Медведь намного крупнее, даже не обхватить спину ногами, как на лошади. Сначала я вообще не шевелилась – сидела как прибитая, согнувшись и поджав под себя ноги. Как только он начал двигаться, я инстинктивно схватилась за шерсть у него на загривке, чтобы не упасть.

Но через несколько часов мои мышцы затекли и ноги одеревенели. Поэтому я набралась храбрости и начала ворочаться, пытаясь найти положение поудобнее. В конце концов я подогнула одну ногу под себя, а другую свесила. Держаться ногами не было необходимости. Несмотря на приличную скорость, движения медведя были на удивление плавными, а спина настолько широка, что достаточно было крепко держаться за толстую шкуру, чтобы не упасть.

Мех медведя удивил меня. Он был мягкий, словно кроличий, но гуще и длиннее. Когда я погрузила в него руки, окоченевшие от холода, мех скрыл их до локтей.

Он был таким теплым! Пальцы тут же согрелись. Ноги,

погруженные в него, тоже не мерзли.

Но верхняя часть туловища продрогла, и я накинула плащ. Вспомнила о том, что Недди не поленился и сколол куски материи, и из глаз полились слезы. Лучше не думать о Недди.

Вместо этого я стала думать о звере, на спине которого ехала. Я вспомнила, как выдумала себе товарища для путешествий в детстве. Как часто я представляла себя едущей верхом на замечательном белоснежном медведе!

Он двигался намного быстрее, чем можно было ожидать от такого огромного животного, и к рассвету мы ушли очень далеко – в местность, которую я никогда раньше не видела. Кругом был глухой лес: елей и сосен становилось все меньше, стеной стояли лиственные. Мы по-прежнему шли на юг.

Путешествие длилось семь дней.

На это время я впала в какое-то странное состояние – может, действовало заклинание или чары. За все семь дней я не поела, не попила, не поспала. Самое странное, что я не чувствовала ничего, кроме сильного волнения. Мне все казалось интересным, я все запоминала: живую зелень неизвестных растений, далекие песни необычных птиц и даже приближающийся запах моря.

Когда медведь наконец остановился, я даже удивилась; соскользнула со спины и приземлилась на песок. Затаив дыхание, я села и огляделась. Мы остановились на берегу – волны плескались чуть ли не в двадцати футах от нас. Светало: с востока едва показались первые лучи солнца. Судя по то-

му, что мы шли на юг, это, видимо, было южное побережье Северного моря. Мне стало жутко интересно. Мой дедушка плавал по этому морю, а до него – прадедушка. Я уже давно обещала себе, что когда-нибудь доберусь до Северного моря, хотя, конечно, и не предполагала, что все произойдет таким образом.

Краем глаза я заметила, что медведь вертит в лапах что-то маленькое и темное. Потом он развернул предмет лапой. Тот стал растягиваться и расти.

Я зачарованно наблюдала за ним, а медведь подошел ко мне. Не успела я сообразить, что происходит, как оказалась упакованной с головы до пят во что-то мягкое и гибкое. Оно было коричневое, пахло рыбой и мускусом, и я решила, что это тюленья кожа. Потом медведь натянул ее мне на голову, и я почувствовала, как меня легонько похлопывают по бокам, словно я маленькое дитя и мама подтыкает одеяло со всех сторон, чтобы было тепло и уютно. Вдруг что-то надавило мне на шею и плечи. Меня подняли, и мы пошли дальше. Свет и звуки изменились, стали глуше.

Даже ничего не видя, я поняла, что мы под водой.

Сначала меня охватила паника, я испугалась, что не смогу дышать. Но скоро обнаружила, что дышу как обычно и сосредоточилась на ощущении подводного путешествия, стала думать о том, что меня, запеленатую в тюленью шкуру, несет большой медведь, видимо осторожно схватив зубами.

Мы пробыли в море недолго. Плавал медведь еще быст-

рее, чем двигался по суше. Странная печаль охватила меня, когда я почувствовала, что мы вышли из воды и я лежу на берегу. Медведь быстро вытащил меня из кокона, и вот я уже снова сидела у него на спине. Мы шли по совершенно незнакомой земле.

Только однажды он заговорил. Это случилось вскоре после того, как мы вышли из моря. Мы пробирались через каменистую, покрытую буйной растительностью долину, в которой было множество стремительных ручейков со скользкими камешками.

– Тебе страшно? – донеслись слова глубоко из груди зверя.

– Нет, – ответила я.

Это была правда. Я внимательно все осматривала, прислушивалась, впитывала все ощущения: от дуновения ветерка и мерного колебания подводного мира до разнообразных цветочных запахов в воздухе южного края. Я была так этим увлечена, что даже и не думала о том, куда мы направляемся и что там должно произойти.

Но потом, на шестую или седьмую ночь, я вдруг об этом задумалась. Должно быть, почувствовала, что путешествие скоро закончится.

Когда мы уходили с фермы, луна убывала. Сейчас она еще ярко светила, поэтому все вокруг было хорошо видно. Местами встречались горы – маленькие и зеленые, не высокие и зубчатые, как в Норвегии. Сосен вообще не было. Вокруг

буйно росли лиственные деревья, некоторые ярко цвели. И запахи носились в воздухе совсем другие: густой и сильный запах земли, цветов и зрелых фруктов.

Вдруг я почувствовала сильный голод, захотелось пить. Интересно, медведь тоже был голоден? Мне пришло на ум, что он, должно быть, собирался съесть *меня* в конце путешествия. Я задрожала, хотя было тепло.

Мы шли вдоль подножия небольшой горы, пробираясь через густой лес, заросший какими-то кустами с острыми колючками, которых раньше я не встречала. Я не видела никакой тропинки, но медведь шагал очень уверенно. Мне казалось, что он ходил здесь много раз.

Внезапно он остановился – через семь дней и ночей постоянного движения. У меня даже голова закружилась. В ушах стоял звон, в желудке урчало, а горло пересохло.

Медведь опустился на передние лапы, как тогда, когда я прощалась с Недди, и я поняла, что он хочет, чтобы я спустилась. Это оказалось труднее, чем в прошлый раз: после семи дней и ночей без еды, питья и сна я очень ослабла и просто съехала на землю.

Медведь отступил на шаг и глухо зарычал – я разобрала даже несколько слов, но не смогла понять, чего он хочет. Но тут раздался легкий свист, и часть горы внезапно развернулась, как будто это была огромная дверь. Вход в гору оказался открыт, внутри мерцал приглушенный свет.

– Иди, – сказал медведь.

Я осторожно поднялась на ноги, поколебалась мгновение и побрела вперед, не отрывая взгляда от теплого света.

Медведь впустил меня и зашел следом. Если бы я не была столь озабочена тем, чтобы идти самостоятельно и при этом держать равновесие, то, наверное, испугалась бы. Но, перешагнув порог, я тут же вдохнула чудесный аромат, какой мог исходить только от большого горшка с сочным мясом с овощами, кипящими на медленном огне. Я сглотнула слюну, охнула и напрочь забыла про все страхи.

– Сюда, – сказал медведь, и я пошла за ним. Нюх подсказывал мне, что зверь ведет меня к источнику запаха.

Мы прошли по длинному коридору мимо нескольких комнат. У меня осталось поверхностное впечатление от коричневого и золотого, оленьих рогов на стенах и меховых ковров на полу. Это напомнило мне рассказы о хоромах богатых охотников.

Наконец мы пришли в комнату с большим камином и длинным столом, на котором стояли различные по форме и размеру блюда, накрытые салфетками. А в камине над огнем висел большой черный горшок, из которого и доносились такие вкусные запахи.

Я остановилась и вдруг услышала голос медведя.

– Угощайся, – сказал он и вышел из комнаты.

Я взяла миску, подошла к камину и налила в нее похлебку. Опустилась на пол около камина и отправила ложку сочного мяса с овощами в рот.

Когда миска опустела, я наполнила ее снова, нетвердой походкой подошла к столу и упала на стул.

Вторую миску я опустошила с помощью большого ломтя мягчайшего хлеба, который я нашла в корзине под салфеткой. Потом заглянула под другие накрахмаленные белоснежные салфетки и обнаружила печеные яблоки в тесте, клубнику, жирные, густые сливки и разные вкусные пирожные. Все было такое заманчивое, но внезапно я почувствовала усталость, глаза стали слипаться сами собой. Я съела несколько маленьких кусочков пирога с ежевикой и выпила полчашки свежего холодного молока. Рядом с камином стоял диван, обитый темно-красным бархатом. Я села на него и поняла, что не в силах даже пошевелиться. Я подумала о белом медведе. Интересно, где он сейчас? Потом я уснула.

Королева троллей

Хотя я была совсем юная, когда писала в своей Книге о Зеленых Землях и о мягкокожем мальчике, я уже знала, что мне придется делать.

Я очень сердита на отца. Мы уезжаем завтра, а он не позволяет мне взять мальчика с собой. Говорит, что мы не можем брать детей. Особенно этого – из-за его положения, – по словам отца, он так же важен для людей из Зеленых Земель, как я для жителей Ульдра.

Отец – король, его нужно слушаться. Сейчас. Но мои способности развиваются, и скоро я буду поступать так, как нужно мне. Я вернусь в эти края и найду мальчика. И тогда он станет моим.

Белый медведь

Пришли.
Так долго длилось ожидание.
Ее карие глаза.
Разорванный плащ.
Кожа бледная, чистая, как лед.
Устала, но не боится.
Нужно помнить.
Условия, правила.
Так давно.
Играли.
Мячик.
Голос, как камни.
Потом…
Тело раскололось, вытянулось.
Боль. И…
Все изменилось за одну секунду.
Потерял.
Но теперь…
Надежда.

Роуз

Когда я проснулась, голова моя была словно свинцом налита. Но я прекрасно помнила, где нахожусь. Дома у нас даже летом по утрам было холодно. А матрас, на котором мы спали с сестрой, не был таким пухлым и мягким.

Я села, потянулась и увидела, что стол прибран. На нем стояли только корзинка, накрытая салфеткой, горшочек с маслом и большой белый чайник. От чайника поднимался пар. В желудке у меня заурчало: я опять была голодна.

Я встала и подошла к столу. Подняла белую салфетку, вдохнула запах корицы и горячего хлеба. Отломив кусочек, намазала его маслом и с наслаждением отправила в рот. Потом выпила чашку ароматного чаю, необычного, фруктового, – я такого никогда не пробовала.

Проглотив хлеб с маслом, я стала гадать, откуда взялась еда. Где находилась кухня с суетящейся прислугой? Или это было колдовством?

Насытившись, я встала из-за стола и пошла осматривать комнаты.

Вспомнила про белого медведя и поежилась, испугавшись, что он может идти за мной. Но никаких следов его не обнаружила.

Я начала с коридора со сводчатым потолком. Стены его были из отполированного камня, на них через равные рас-

стояния висели канделябры с масляными лампами, а рядом с ними – большие картины и гобелены. Гобелены сразу привлекли мое внимание. Они были выполнены в ярких красных и синих тонах и изображали лордов и леди в старинных одеяниях. Это была очень изящная работа.

Я подошла к открытой двери и вошла. Это была комната для рисования. На стенах также висели картины. На полу лежал широкий зеленый ковер, стояла мягкая мебель. Как и в коридоре, свет шел от масляных ламп, расставленных на столе и висящих на стенах. Я взяла одну лампу на случай, если забреду в какое-нибудь не слишком освещенное место. И пошла дальше.

В следующей комнате обнаружилось множество книжных полок. Библиотека, подумала я. Но ошиблась. Оказалось, что во многих комнатах имеются книги. В конце концов я пришла в ту, которую точно можно было назвать библиотекой. Никаких гобеленов – каждый дюйм стены занят полками от пола до потолка. Я перевела дух. В Норвегии, насколько я знаю, только в монастырях можно найти так много книг. *Если бы Недди мог это увидеть,* подумала я и тут же отогнала прочь эту мысль. Не буду больше думать о Недди.

Кроме книг в тех комнатах, куда я заходила, были музыкальные инструменты. Тот, кто обставлял эти комнаты, несомненно, очень любил музыку.

Потом я нашла комнату, которая полностью была посвящена музыке, как библиотека – книгам. Завораживающее

зрелище: в центре стоял большой рояль, украшенный резьбой. В огромном шкафу собралась удивительная коллекция свирелей и флейт, которые, видимо, прибыли сюда со всего мира. Там была лакированная флейта из бамбука в виде дракона – явно с Востока, были дудки из слоновой кости, тростника, мыльного камня; некоторые с изящной резьбой. Но среди всех явно выделялась одна – она лежала в красивой коробке, обтянутой синим бархатом. Достаточно простая, классическая, но очень красивая.

Повсюду лежали стопки нот, перевязанные лентами, а вдоль стен расставлены стулья, которые при случае можно было сдвинуть в ряды и на которых можно было рассадить слушателей. Я закрыла глаза и живо представила хорошо одетых леди и джентльменов, занимающих здесь свои места воскресным днем и с восторгом аплодирующих музыкантам. Мне очень понравилась эта комната, хотя стало немного грустно, наверное, из-за того, что никого в ней не было.

Я ходила из одной комнаты в другую. Сначала я их считала, но потом сбилась. Здесь было столько всего, и я решила, что нахожусь в огромном замке.

Вероятно, его выстроили прямо в скале, хотя сложно такое представить. Но я уже привыкла к необычному. Я не нашла ни окон, ни дверей, ведших наружу, кроме той, через которую мы вошли. Многие комнаты выглядели так, словно ими давно не пользовались, но не из-за пыли или грязи (на самом деле все блестело), а из-за общего настроения пусто-

ты и одиночества.

Во время этой прогулки я вообще забыла про медведя.

В моей голове начал складываться образ того, кто жил здесь. Это похоже на игру, когда вы по кусочкам должны собрать единый портрет кого-либо, в данном случае – мужчины, живущего здесь. Не чувствовалось женской руки в этом месте.

Он любил музыку. И книги. Я снова вспомнила библиотеку. *Недди.*

Внезапно меня охватила тоска по дому. Я настолько увлеклась путешествием, а потом исследованием замка, что едва ли вспоминала о семье. Но вот я здесь, за тысячи миль от тех, кого люблю больше всего на свете, в странном пустом замке, и где-то рядом находится огромный белый медведь.

Меня прошиб озноб, и я покрепче закуталась в разорванный плащ. *Ох, Недди!..*

Я не плакса, но слезы сами брызнули из глаз. Не знаю, сколько я там просидела, вытирая их плащом и чувствуя себя жалкой и несчастной.

Но в конце концов голод дал о себе знать, и я поднялась и пошла дальше. Со времени завтрака прошло немало часов. Я не знала, как вернуться в ту комнату, где я ела, поэтому пошла вперед по коридору, не обращая внимания на комнаты по сторонам. Я хотела найти лестницу, чтобы вернуться на тот этаж, с которого я начинала осмотр.

Вскоре я заметила лестничный пролет и направилась к

нему, как вдруг мельком увидела нечто: дверь была приоткрыта, и внутри горели лампы. Я вошла в комнату и, потрясенная, встала на пороге.

Станок. Это был самый красивый станок из всех, какие я видела в жизни, какие могла себе представить. Он был сделан из дорогого дерева, отполированного до блеска; перекладины, как и валки, украшала замысловатая резьба. На раму были натянуты нити основы зеленого, как ранняя травка весной, и фиолетового цветов – изумительная шерсть.

Я благоговейно коснулась нитей пальцами. Как во сне опустилась на маленький табурет перед станком: он как будто ждал меня. Мне казалось, что я сплю и вижу себя со стороны. Я взяла челнок и трепало и принялась ткать. Хотя я работала на этом станке впервые, – ход челнока был непривычен, как и натяжение нитей, – я почти сразу поняла его. И тут же погрузилась в мир цвета, ткани и тех движений, которые я так любила. Даже чувствовала, как трава ласкает мои голые ноги, а вокруг витает запах фиолетовых ирисов.

Этот станок отличался от станков вдовы Озиг, как чистокровная верховая отличается от старой рабочей клячи. И ткать на нем было приятнее – с такой разницей, какая бывает между работой по обязанности и работой по призванию.

Я даже не заметила, сколько времени просидела за станком.

Без окон во внешний мир я не могла следить за временем. Может, я ткала целый день или еще дольше. Очнулась

я только тогда, когда чувство голода стало нестерпимым. Но голова была ясная, хотя немного звенело в ушах. Я не могла остановиться. Пальцы продолжали двигаться, а я осмотрела комнату.

Здесь стоял не один станок, а несколько – маленькие ручные станки, вертикальный станок – для гобеленов, я таких никогда не видела, только слышала, как вдова Озиг про них рассказывала. Кроме того, было еще несколько прялок (которые я обязательно рассмотрела бы во всех деталях, если бы не устала так сильно). На стенах висели полки, забитые всякими мелочами, какие могут понадобиться тому, кто придумывает и шьет одежду.

Целая полка была отведена под нитки – самых разнообразных цветов и оттенков. Нашлись среди них даже катушки с шелковыми нитями блестящего золотого, серебряного и бронзового цветов. Внизу стояли корзины с чесаной шерстью, с пряденой шерстью и шерстью, готовой для вязания. На другой полке стояли бутыли с жидкой краской для тканей. На отдельной полочке были разложены острые ножницы, иголки для шитья и спицы для вязания, различной длины и толщины. Я онемела от удивления.

Но в конце концов решила, что нужно что-нибудь съесть, пока я не умерла с голоду. Я снова вышла в коридор и пошла к лестнице. Голова кружилась, и от одного взгляда на винтовую лестницу у меня зазвенело в ушах и подкосились ноги. Но я все равно начала спускаться. К концу пролета я

уже съезжала сидя, как маленький ребенок.

Внизу мне удалось поставить себя вертикально. Я стала принюхиваться в надежде учуять запах тушеного мяса, но ничем не пахло. Я заволновалась, что ушла слишком далеко от той комнаты, где завтракала. Или, что еще хуже, еды нет и не будет.

В конце коридора я свернула за угол, а там стоял белый медведь. Теперь он казался еще белее и больше, чем я его помнила. Я вскрикнула и сползла на пол. Чуть было не потеряла сознание, но несколько раз глубоко вздохнула, и слабость прошла.

Медведь смотрел на меня печальными черными глазами. А потом сказал своим глухим, глубоким голосом:

– Еда там. Пойдем.

Я встала и, покачиваясь, пошла за ним.

– Возьмись… за мою… шерсть.

– Спасибо, – слабым голосом проговорила я. Голод пересиливал страх. Я подошла и схватилась руками за шкуру медведя.

Он снова двинулся в путь и привел меня в ту самую комнату, где я завтракала. Я спотыкалась, но не падала, потому что держалась за его шерсть. Медведь не возражал.

На огне уже стоял горшок с супом из чечевицы с грудинкой. Белый медведь остановился в дверях, посмотрел на меня, повернулся и исчез.

Я ела и размышляла – о станке, о вкусной еде, которая

появлялась ниоткуда, и больше всего о медведе.

Королева троллей

Прежде чем забрать мягкокожего мальчика, я возвращалась в Зеленые Земли несколько раз. Я ездила туда на собственных санях и брала с собой только Урду. Больше я не заговаривала с мальчиком, только смотрела на него и изучала его жизнь. В своей Книге я записала:

Кажется, эти мягкокожие постоянно умирают; их жизни укорачиваются из-за огромного количества болезней и несчастных случаев. Мальчик, за которым я наблюдаю, – пятый ребенок в семье, двое из его старших братьев уже умерли. Ничего удивительного не произойдет, если он тоже канет в вечность.

Все было просто. Я выбрала самого некрасивого тролля в качестве жертвы – вряд ли по нему будут скучать в Ульдре, а потом с помощью простого волшебства изменила форму.

Только бы отец не злился!

Недди

Жизнь иногда выкидывает такие штуки! Овца, от которой ожидают легкого потомства, умирает, рожая двухголового ягненка. Или вы с легкостью бежите по лыжне, о сложности которой говорят все кому не лень.

Следующий после ухода Роуз день был такой тяжелый, что я и представить себе не мог. Отец напоминал привидение – бледный, глаза ввалились. Он с отсутствующим видом бродил по ферме. Избегал всех нас, особенно маму. Та проводила все время около Зары, как будто думала, что, ухаживая за ней, сможет оправдать жертву Роуз. Но, конечно же, это было невозможно. Даже если бы Зара неожиданно вскочила с кровати совершенно здоровая. Как бы то ни было, лучше сестре не стало.

Я находился в каком-то сумрачном оцепенении и думал только о Роуз. Лишь о том, что она ушла навсегда, я старался не думать.

Как и раньше, мы занимались сборами. Сосед Торск – добрый человек – помогал нам. Думаю, по-своему он понимал, что дела в нашей семье совсем плохи. Мама сказала ему, что Роуз уехала на юго-восток пожить у родственников. А мы поедем вслед за ней, как только Заре станет получше.

Отец был в таком состоянии, что сначала всю тяжелую работу на ферме делали мы с Виллемом – чинили, чистили,

разбирали. Но через несколько дней папа с головой бросился в работу, как будто непосильный труд мог спасти его от сумасшествия. К концу недели ферма выглядела так великолепно, как могла, учитывая обстоятельства.

За день до передачи фермы новому владельцу мы уложили вещи: у нас почти ничего не осталось из того, что стоило брать с собой. Я стоял на улице, около курятника, и кормил тощих цыплят, которых мы оставили. И вдруг услышал шум колес. Вскоре показался красивый фургон, который тащили две холеные лошадки. Я позвал отца, который находился поблизости. Мама с Зарой были у Торска.

Повозка остановилась, и из нее вышел высокий, хорошо одетый джентльмен. Он оглядел ферму. Вид у него был внушительный, а взгляд – хозяйский, и я сразу понял, что владелец земли прибыл на день раньше.

У меня замерло сердце. Хотя я давно ждал этой минуты, все равно стало больно. Человек подошел к нам с отцом, на лице его было любезное выражение.

– Вы, должно быть, Арни, – протянул он руку отцу.

– Мистер Могенс? – сказал отец, поколебавшись, и пожал протянутую руку.

– Нет, Могенс работает на меня, присматривает за моими владениями. А я Гаральд Сорен, владелец этой фермы.

– Приятно познакомиться, мистер Сорен. Это мой сын Недди.

Я пожал ему руку, против собственной воли впечатлен-

ный добротой и умом, которые чувствовались в этом человеке. Последние месяцы я все время представлял, как я его ненавижу и даже презираю. Но вот он стоял передо мной; наступил день, когда он должен забрать наш единственный дом, а я только и мог думать о том, что он добрый и порядочный малый.

– Надеюсь, вы будете довольны тем, как мы привели здесь все в порядок, – сухо сказал отец.

– О, не сомневаюсь… – начал мистер Сорен. – Но сначала позвольте извиниться за слишком раннее прибытие. Путешествие заняло меньше времени, чем я рассчитывал. Карта подвела, – нахмурился он. – Тяжело найти карту хорошего качества. – Он возмущенно пожал плечами. – Я снял комнаты в Андальсинах. Если желаете, я могу вернуться завтра.

– Нет, нет, что сегодня, что завтра – все равно, – вежливо ответил отец. – Давайте я покажу вам двор фермы.

– Это было бы весьма любезно с вашей стороны.

Интересно, о чем думал отец, когда водил мистера Сорена по ферме? Для себя я решил, что сложно ненавидеть человека с таким добрым взглядом, хоть он и осматривал мой дом, словно кобылу, которую только что купил.

Потом мы пошли в кладовку. Отец еще не унес те карты, которые развесил здесь, – карты собственного изготовления времен ученичества у моего деда. На рабочем столе еще лежали рисунки наших роз ветров, рисунок Роуз – сверху.

Я услышал, как мистер Сорен шумно выдохнул. Он быст-

ро подошел к ближайшей карте, приколотой к стене, и принялся внимательно ее изучать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.